

Глава 6
НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

*Трудно было... Но для меня,
 например, главное то, что я подготовил
 летчика Алексея Маресьева, который
 летал без ног.*

А. М. Числов, Герой Советского
 Союза, полковник

Главные события военного лета 1943 года разворачивались в районе Курска, Орла и Белгорода. Здесь, в лесах и перелесках, в балках и оврагах, а также на полях, оборудованных под аэродромы, было собрано невиданное количество живой силы и техники. В общей сложности с двух сторон — советской и немецкой — в сражении на Курской дуге должны были принять участие около 3 миллионов человек, 30 тысяч орудий и минометов, более 6 тысяч танков и самоходных орудий и 5 тысяч самолетов.

Перед нашей авиацией, как свидетельствуют документы, накануне битвы были поставлены следующие задачи: удерживать господство в воздухе и надежно прикрывать ударные группировки войск от воздействия люфтваффе; содействовать сухопутным войскам в прорыве вражеской обороны; противодействовать противнику в занятии обороны на промежуточных рубежах; нарушать управление войсками, а также срывать маневр резервами противника и не допускать их выдвижения к полю боя.

Еще до начала Курской битвы 63-й гвардейский истребительный авиационный полк 3-й гвардейской истребительной дивизии 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса 15-й воздушной армии, куда прибыл в составе эскадрильи Маресьев, активно участвовал в боевых действиях. В апреле за героизм, мужество и воинское мастерство, проявленное в боях с немецко-фашистскими оккупантами, личному составу вручили гвардейское знамя. Это звание свидетельствовало о том, что в полку служат настоящие асы. И здесь не было никакого преувеличения.

122

Боевой счет полка исчислялся десятками сбитых немецких самолетов. На груди нескольких летчиков сверкали Золотые Звезды Героев Советского Союза, у других — ордена высокой пробы.

Приведем строки из исторической летописи полка: «08.06.1943 г. намечался массированный налет штурмовой и бомбардировочной авиации на аэродромный узел Орел с

целью уничтожения базирующихся там ночных бомбардировщиков немцев, производящих налеты по нашим тыловым объектам. 63 гиап было приказано 20 самолетами Ла-5 во время удара штурмовиков блокировать и уничтожить взлетающие самолеты противника на аэродроме Орел (военный) и аэродроме Кулики.

Двадцать Ла-5 под общим командованием [командира полка] гв. подполковника Н. П. Иванова поднялись с аэродрома Паньково, быстро собравшись и приняв боевой порядок, легли на курс. Восемь самолетов, ведомые гв. капитаном Бенделеевым [правильно — Бунделев. — *Н. К.*] в составе ст. сержанта Романова, лейтенанта Кармишкина, ст. сержанта Крохинова, гвардии капитана Почечуева, ст. сержанта Маканова, гвардии мл. лейтенанта Кудряшова, ефрейтора Валентэй пошли на свою цель — аэродром Орел (военный).

Восемь самолетов, ведомые гвардии подполковником Н. П. Ивановым, в составе: гвардии капитана Войтаника, гвардии ст. лейтенанта Березуцкого, ст. сержанта Седошкина, ст. сержанта Гаврилова, ст. сержанта Едунова, гвардии мл. лейтенанта Иванова, ст. сержанта Гольмана приступили к блокированию аэродрома Кулики.

Группа из четырех Ла-5, ведомых штурманом полка гв. майором А. А. Федотовым, в составе гвардии мл. лейтенанта Короткова, лейтенанта Авраменко, ст. сержанта Суханова должна была, находясь выше групп Иванова и Бунделева, как бы связывать их и прикрывать от нападения истребителей противника, приходящих с других аэродромов.

При подходе к городу истребители были встречены ураганным огнем зениток. Били пушки всех калибров, виднелись трассы от стрельбы зенитных пулеметов. Советские летчики наблюдали за тем, что происходило на летном поле и в воздухе, маневрировали среди многочисленных разрывов.

Немцы были ошарашены безусловно дерзким появлением истребителей над сильнейшим сосредоточением авиации, находящимся на расстоянии нескольких десятков километров от линии фронта. Ни один немецкий са- 123

молет не поднялся с блокируемых аэродромов. Не посмели подойти к воздушной армаде и немецкие истребители, появившиеся в воздухе. Только пара Р\у-190 на большой высоте и скорости прошла на встречных курсах к группе Иванова. Короткой очередью немецкий летчик сделал 2 пробоины в консоли крыла ст. сержанта Крохинова. Однако четверка, ведомая гвардии капитаном Войтаник, быстро развернувшись, атаковала их и молодой пилот, впервые участвующий в воздушном бою, комсомолец Седошкин длинной очередью зажег ведомого Р\у-190, который упал южнее г. Орел.

Работа штурмовиков была обеспечена. Выполнив задание, группа ушла на свою базу. Огнем зенитной артиллерии был сбит мл. лейтенант Кудряшов».

Однако полк понес и серьезные потери, поэтому нуждался как в технике, так и в летчиках. Накануне предстоящих схваток с немцами полк получил новую эскадрилью. Летал за ней в Иваново, как сказано в предыдущей главе, штурман полка Герой Советского Союза гвардии майор А. А. Федотов. Встречавшие пополнение не могли не обратить внимание на необычного летчика, о чем впоследствии вспоминал бывший начальник штаба 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса генерал-лейтенант авиации Ф. А. Костенко.

Приземлившись, Федотов подошел к гвардии капитану Александру Числову, руководившему посадкой, и спросил:

— Какой самолет сел лучше других?

Числов, не задумываясь, ответил:

— Если не считать твоего, то лучшую посадку произвел самолет с бортовым номером «42».

— А ты знаешь, кто его посадил? — продолжал Федотов.

— Откуда мне знать? — Числов пожал плечами.

— Лейтенант Маресьев, — назвал фамилию Федотов.

— Из «желторотиков»?

— Нет, Маресьев уже тертый калач, только ног у него нет...

— Как ног нет? — удивился Числов. — А на чем же он ходит? На руках, что ли? Ты это серьезно говоришь или шутишь...

— На протезах, — уточнил Федотов.

В этот момент к КП подъехала грузовая машина. Она привезла прибывших летчиков. Федотов кивнул Числову:

— Смотри вон за тем летчиком, с черной шевелюрой. Обрати внимание, как он будет слазить с машины.

124

Как только грузовик остановился, летчики быстро соскочили через борт. В машине остался только тот, на которого указал Федотов. Он медленно перебросил через борт одну ногу, осторожно поставил ее на колесо, затем перенес другую, затем поочередно опустил ноги на землю. Числову бросилось в глаза то, что все летчики были в сапогах, а черноволосый — в ботинках и брюках навывпуск. Дополняла его внешний вид палка в руках. Франт с тросточкой, да и только!

К вечеру Маресьева привели в казарму, определили ему место. А летчикам было интересно, как же он будет разуваться. Притворившись спящими, они пристально наблюдали за ним из-под одеял. Маресьев неторопливо снял гимнастерку, расстегнул пояс, а потом аккуратно снял протезы...

Появление в строю новичка, да еще без ног, летчики полка встретили, прямо скажем, без энтузиазма. Причина была понятна. Ведь с безногим, пусть и раньше воевавшим и сбивавшим фрицев летчиком им предстояло подниматься в

воздух, лететь в одном звене или в составе группы. А как он себя поведет в бою? Может ли этот инвалид вообще управлять машиной?

Маресьев сразу почувствовал этот холодок, повеявший от некоторых летчиков. Поэтому ему нужно было им доказать, что он ни в чем от них не отличается. Кроме того, надо было найти человека, который бы согласился полететь с ним в паре в бой. Причем не из жалости к нему, а с полной уверенностью в его абсолютной надежности. Ведь речь шла о жизни. Бой — не тренировочный полет. Расплачиваться здесь придется не двойкой, как в школе, а собственной кровью. А кто будет рисковать, если нет стопроцентной гарантии, что тебя прикроют, выручат из беды...

По этой причине на первых порах Маресьева дальше аэродрома вообще не пускали. А выпускать — означало отправлять его на верную смерть. Так считало командование. Поэтому он вел патрулирование над летным полем или выполнял аналогичную задачу по охране другого объекта. Летчики возвращались с боевых заданий, садились, а он должен был их прикрывать в случае неожиданной атаки немецких самолетов. Подтверждением служит Журнал боевых действий 3-й гвардейской истребительной дивизии. Вот лишь одна выписка из этого пожелтевшего от времени документа:

Дата	Часть	Взлет	Посадка	Состав группы	Ведущий	Поставленная задача	Результат боевых действий	Оценка выполнения задания
25.6.43	63 гиап	18.44	19.20	2 Ла-5	Гв.л-т Маресьев	Патрулирование в воздухе, прикрыть аэроузлы дивизии, не допускать прохода бомбардировщиков и разведчиков противника в районе аэроузла дивизии	Встреч с противником не произошло	Задание выполнено

Других заданий Маресьеву не давали, хотя он рвался в небо. «Я мог летать, — рассказывал он на одной из встреч с молодыми летчиками. — И это было уже счастье. Но меня старались беречь: “Алексей, тебе прикрывать аэродром”. Ребята уходили на задания, а я летал, аэродром стеречь. Затем ребята возвращались возбужденные боем, на избитых машинах, чтобы завтра снова уйти в бой, а я опять оставался стеречь аэродром. И мне стало невмоготу от этой жалости ко мне. Я хотел драться, как все».

В один из дней летчикам перед строем торжественно вручали гвардейские знаки. Получил его и Маресьев, но при

этом испытал некоторую неловкость. Мол, еще не заслужил даже этот знак. Спросил у командира:

— Когда разрешите в бой?

— Не переживай, скоро, — последовал ответ.

А вечером к нему подошел командир эскадрильи гвардии капитан Александр Числов. Дружески похлопав по плечу, сказал:

— Завтра полетишь со мной ведомым.

Оказывается, накануне А. М. Числов побывал у командира полка гвардии подполковника Н. П. Иванова и убедил его в том, что Маресьев должен не аэродром караулить, как сторож, а летать на боевые задания. И что он, Числов, готов его взять к себе ведомым. Однако состоявшийся разговор был далеко не из приятных. Приведем выдержку из воспоминаний Числова: «С Алексеем мы сдружились сразу. Правда, командир полка, узнав, что у Маресьева нет ног, запретил допускать его к полетам. Но Алексей не сдавался. Он убедил меня, что даже без ног может бить врага.

126

Он был настолько искренен и убедителен, что я отправился к командиру полка. Тот поставил условие, мол, если Маресьева собьют в течение трех дней, то меня, Числова, отдадут под трибунал. Я за Маресьева поручился, написал все бумаги. А тот, когда узнал, что его определили под мое командование, пулей побежал по полю, крича: «Я в эскадрилье Числова!».

«Меня охватило волнение, — вспоминал о тех счастливых минутах Маресьев, — человек поверил в меня, хотя не на чем было основываться такой вере. Значит, я должен непременно оправдать доверие! Для меня это был вопрос жизни и смерти как летчика, как человека. Причем неудача могла означать нечто большее, чем смерть физическая».

Во время этого судьбоносного вылета Маресьев сбил свой первый после возвращения в небо самолет. Это произошло 6 июля, на второй день после начала Курской битвы. Шестерка Ла-5 под командованием гвардии капитана Числова получила задачу встретить немецкие бомбардировщики, которые стремились нанести удар по передовым эшелонам советских войск. Завязался бой. Падает на землю один «Юнкере», за ним другой. Остальные начинают уходить. Но из-за облаков выныривает новая группа. Числов вновь бросает истребители в атаку. Три Ju.87 находят свою погибель. Два из них сбивает Числов, один — Маресьев.

После возвращения на аэродром Числов, как вспоминал Маресьев, так ему сказал:

— С тобой в паре не пропадешь.

Для Маресьева эти слова были самой высокой оценкой. Ведь он на деле доказал, что может летать и сбивать самолеты врага.

Двенадцатого июля началось наступление войск Брянского фронта. На штабных картах это наступление

значилось как операция «Кутузов». О торжественных событиях, происходивших в авиационных частях накануне перехода советских войск в контрнаступление, корпусная газета «Советский патриот» писала: «...12 июля в 05 час. 10 мин. утра на всех аэродромах базирования нашего корпуса были развернуты гвардейские знамена. В торжественный рассветный час, в утро перед боем, на краю аэродромов выстроились командиры, политработники, летчики, техники 32, 63, 64, 65, 66-го гвардейских и 160-го истребительных полков. Через полчаса они вылетят в бой, вступят в смертельную схватку с врагом. И в эти короткие минуты перед боем они собрались для того, чтоб перед священным шельком завоеванного кровью гвардейского Знамени, перед лицом Родины поклясться: лучше погибнуть в бою, чем вернуться из боя с позором!»

В 63-м полку гвардии подполковник Н. П. Иванов зачитал обращение Военного совета фронта к личному составу, затем обратился к летчикам:

— Гвардейцы! Наступил решающий час. Наша первоочередная задача — завоевать господство в воздухе на направлениях главного удара. Уверен, что вы будете драться с фашистской сволочью смело и решительно, не уроните гвардейского звания.

А вскоре поступила команда:

— По машинам!

Маресьев вылетел в составе группы Числова. В последующие дни комэск еще несколько раз брал с собой Маресьева на боевые задания. В небе под Орлом Маресьев и его товарищи вели схватку с асами истребительной авиации люфтваффе, имевших колоссальный опыт боев на советско-германском фронте, хотя и потрепанных в последние месяцы в боях под Сталинградом и на Кубани. Несмотря на это побеждать немецких асов советским летчикам было крайне сложно.

Кроме того, люфтваффе, стремясь завоевать господство в небе и тем самым обеспечить массированные удары по наступающим советским войскам, изменили тактику действий своих истребителей. Они стали применять так называемый способ расчистки воздуха. Большие группы немецких истребителей появлялись над полем боя за 5—10 минут до подхода бомбардировщиков, их целью являлось связать боем наших истребителей и увести их в сторону. Между тем наши летчики быстро раскрыли замысел врага — вступали в бой, но из заданного для прикрытия района не уходили.

«Мы стали сражаться с фашистами не только на равных, мы стали превосходить их во всех видах воздушной войны, — вспоминал Маресьев. — В боях мы начали смело применять вертикальный маневр. Если в первый период войны он в основном удавался немецким летчикам, которые часто им пользовались, то на наших новых истребителях вертикальный маневр получался лучше. Нашими летчиками впервые, еще в

Сталинграде, был применен новый тактический прием “воздушная этажерка”. Мы им широко пользовались под Орлом. Истребители парами шли на разных высотах и лишали противника возможности вертикального маневра — на всех уровнях его встречал огонь».

Возвратившись с очередного вылета, Числов неожиданно ошарашил Маресьева:

— Хватит тебе летать ведомым, сам теперь можешь водить пару.

— А кто полетит ведомым? — тут же спросил Маресьев.

— Желающие найдутся, видят — не слепые, что ты летчик от Бога, — заключил комэск.

Летать с Маресьевым вызвался гвардии лейтенант Сергей Петров. Это решение своего однополчанина он воспринял как самую высокую награду. Теперь у нашего героя появилась возможность сполна оценить, что значит заслужить доверие идти в бой крыло в крыло. К слову сказать, Маресьев всегда считал доверие высочайшей наградой для человека, хотя она и не фиксируется в личном деле, нет на нее и орденской планки.

«Так вот, Петров доверился мне, — вспоминал Маресьев, — но я еще должен был доказать всем, в первую очередь — самому себе, что достоин этого доверия. Предстояло помочь Петрову преодолеть даже малейшее сомнение во мне, если оно у него оставалось».

Они вылетели 20 июля в составе группы под командованием Героя Советского Союза гвардии майора Андрея Федотова. Группа состояла из 12 Ла-5 и прикрывала войска 3-й и 63-й общевойсковых армий. В воздухе встретили 20 бомбардировщиков ,1ц.87 под прикрытием 24 Рум. 190. Гитлеровцы шли лесенкой, парами, расположенными так, что каждая последующая защищала хвост предыдущей. Федотов, твердо памятуя приказ не допустить бомбардировочных ударов по наземным войскам, не задумываясь, повел своих «Лавочкиных» на врага.

— Атакуем! — последовала его команда.

В небе тут же вихрем закружился смертельный хоровод. В качестве музыкального сопровождения — рев моторов, треск пулеметных очередей. Эфир захрипел русской и немецкой речью. Были слышны команды, ругань, проклятия...

— Командир, выше два «Фокка»!

— Вижу... Атакуем!

— Ахтунг! Ла-фюнф...

— Горит, сука...

— Растуды твою мать...

— Коля! «Фоккер» на хвосте!

В этой жестокой круговерти, которую истребители называют «собачьей свалкой», Маресьев выбрал цель и ринулся

в атаку. Уже можно было открывать огонь, но прежде чем нажать на гашетки, Маресьев еще раз оглянулся и увидел, что сзади к Петрову пристраивается фашист. Пришлось отказаться от завершения уже подготовленной атаки. Боевым разворотом — самым крутым, насколько хватило силы рук и возможностей рулей, Маресьев бросился назад и сверху отвлек немца от ведомого. В этот момент Петров сумел дать длинную очередь по вражескому самолету, который тут же загорелся и пошел к земле, оставляя за собой густой темный шлейф.

Маресьев вернулся на свое место в строю, попросил по радио Петрова покачать крылом. Он выполнил просьбу, а потом через минуту говорит:

— Командир, я ранен, разреши уходить.

— Хорошо, Серега, уходи, я прикрою, — дал добро на выход из боя Маресьев.

Проводив Петрова, Маресьев вернулся продолжать боевую схватку. Теперь нужно было быть вдвойне осмотрительным. И тут он заметил, как на него несется бог весть откуда взявшийся «Фоккер». Уходить некуда. Маресьев прибавляет газу. Ла-5 и Р\у.190 с огромнейшей скоростью сближаются друг с другом. Самолет противника растет на глазах. Маресьев ждет смертельного удара, мгновенной смерти. Он понимает: опытный ас люфтваффе не уступит, раз решился на лобовую атаку. До крови закусывает губу, сжимается комок мускулов. До «Фоккера» метры. И у немца в последний момент сдают нервы — его самолет круто взмывает вверх. Маресьев всаживает в него короткую очередь.

А в это время Петров на поврежденной машине (кусок хвоста выдран, обрубленный конец левого крыла болтался на тросе) медленно шел на посадку. «Беда в том, что в бою мне прострелили обе ноги и повредили руку, — вспоминал впоследствии Петров. — В кабине лужа крови. Садился я на “живот”, то есть с убранными шасси, так как выбило гидросмесь и шасси выпустить было нечем. Убрал левую руку с сектора газа, взялся за прицел, чтобы головой при посадке не удариться. Винт — три лопасти, при ударе одна сложилась, и самолет перемещался, как на лыже. Конечно, посадка была сложной, так ноги и рука ранены, но Бог миловал, все обошлось».

Маресьев же в том бою сбил еще один самолет. Во время воздушной схватки он увидел, как под ним такой же Ла-5 никак не может оторваться от Р\у.190. Оба виражили так, что воздушные струи срывались с консолей. Маресьев мгновенно опустил нос своего самолета и атаковал фашиста. Самолет вспыхнул и с диким воем полетел вниз. Как вскоре станет известно, Маресьев выручил командира соседнего 160-го истребительного авиационного полка майора Валерия Яманова. На войне примеров такой взаимовыручки, особенно у летчиков, было много. Не на пустом месте родились у А.Т. Твардовского эти поэтические строки, которые очень любили летчики:

У летчиков наших такая порука,
 Такое заветное правило есть:
 Врага уничтожить большая заслуга,
 Но друга спасти — это высшая честь.

Не забыл о своем спасителе и спасенный. Кавалер пяти орденов Красного Знамени, генерал-майор авиации В. А. Яманов впоследствии написал в мемуарах: «В одном из боевых вылетов под Орлом мне пришлось вести воздушный бой с противником. Атаковав со своим ведомым фашистский бомбардировщик, который оторвался от своей группы, я сам неожиданно был атакован четверкой вражеских истребителей. Отбив ведомого, гитлеровцы взяли меня в клещи. Я уворачивался от пулеметных трасс, бросал машину то в одну, то в другую сторону, но не мог вырваться из цепких объятий противника. В эту минуту пришла помощь. Откуда-то сверху молниеносно свалилась на врага восьмерка наших истребителей. Их смелая атака была удачной: 3 фашистских истребителя пошли к земле. На последних каплях горячего я пришел на аэродром. Здесь позднее узнал, что меня выручила группа Алексея Маресьева».

На аэродром Маресьев вернулся с пустыми баками, совершал посадку уже, как говорят летчики, «на честном слове». А в полку инцидент. Петров лежит на носилках, его в санбат отправляют, он ни в какую: «Не поеду, пока командира не увижу». Маресьев подошел к нему, а Петров начал его просить, чтобы он не брал другого ведомого, обещал скоро вернуться в строй.

«Вот тут-то у меня от волнения слова в горле застряли, не смог выразить ему свою благодарность, — вспоминал Маресьев. — Я понял главное: мне удалось преодолеть, развеять в людях представление о моем особом положении в полку, они поверили, что я могу воевать, как все, и приняли меня в эту семью, как равного. Этот момент преодоления был для меня самой большой радостью».

К месту сказать, после госпиталя гвардии лейтенант Петров вернулся в родной полк и продолжил летать в паре с Маресьевым. Вот еще строки из воспоминаний Петрова: «Мы летали в паре. Пара — это единый организм. Мы должны мыслить, чувствовать обстановку одинаково, понимать маневр каждого. Недаром в авиации существовало определение “слетанность”. И это не только в плане летной подготовки. “Слетанность” во всех отношениях, тогда и в бою проблем не будет. Поэтому мы с Алексеем хорошо знали и понимали друг друга. Я был уверен в том, что он всегда придет мне на помощь в трудную минуту, не бросит. И Алексей был уверен во мне: ведомый не позволит фашистскому стервятнику зайти в хвост. Такое доверие возникло не на пустом месте: нас учили порядочности, честности, уважению к труду. Конечно, мы все были разные и по характеру, и по физическим данным, и по жизненному опыту. Алексей имел

уникальный опыт, выпутавшись из, казалось бы, безнадежной ситуации, мы набирали его в боевых вылетах. Но у нас было много общего: страстное желание летать, молодость, боевой задор. Совместная боевая работа рождала «авиационный характер»: смелость, волю, ответственность друг перед другом». И далее: «Скажу откровенно, конфликтных ситуаций в наших отношениях не было. Прежде всего, старались понять причину ошибочных действий, то есть докопаться до истины, чтобы избежать их повторения в будущем.

Никогда не укоряли друг друга, так как натянутые отношения могут отрицательно сказаться на дальнейших полетах. Леша — не конфликтный по характеру человек, разбор проводился всегда объективно, но в дружеском тоне.

На что обращали внимание на разборах, какие у нас были тактические летные «заповеди»?

Прежде всего, ты должен первым увидеть противника. Внезапность может определить результат боя.

Не считать, что численное превосходство противника однозначно обеспечит ему успех в бою. Открывать стрельбу следует с малой дистанции. Мне, как ведомому, ни в коем случае не допускать увлечения преследованием вражеского самолета, забыв о своем ведущем.

Какой бы сложной ни была воздушная обстановка в бою, не забывай об осмотрительности. Какая-то пара секунд — и враг у тебя «на хвосте».

Помни о расходе патронов и горючего».

В марте 1944 года Петров был награжден орденом Красного Знамени. В его наградном листе отмечены и заслуги Маресьева: «На Брянском фронте на боевые задания летал в качестве ведомого у Героя Советского Союза — гвардии капитана Маресьева, который сбил три самолета противника, и у командира звена — гвардии старшего лейтенанта Иванова А. Д., уничтожившего также три самолета противника. Его ведущие смело шли в атаку на противника, зная о том, что их прикрывает надежный летчик — гвардии лейтенант Петров. За произведенные 34 успешных боевых вылета, за лично сбитые два самолета противника, за умелые действия, как ведомого, в обеспечении успеха в воздушных боях своим ведущим, который уничтожил шесть самолетов противника, достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени».

Дружба Маресьева и Петрова, родившаяся в воздушных боях, продолжилась и после войны. Сергей Федорович Петров, которого в доме Маресьевых все, включая детей и взрослых, называли дядей Сережей, дослужился до полковника. Последнее место его службы — авиационная часть, из которой образовались впоследствии знаменитые в России и за рубежом пилотажные группы «Стрижи» и «Русские витязи».

В жаркие дни Курской битвы аэродром 63-го

гвардейского истребительного авиаполка напоминал конвейерную линию: не успевала одна группа «Лавочкиных» произвести посадку, как очередная уже выруливалась для взлета. В иные часы в небе находилось от ста и более экипажей 1-го гвардейского истребительного корпуса. Летчики не щадили себя. Воздушные схватки происходили со страшным ожесточением. Как говорится, не на жизнь, а на смерть.

О том, что происходило в небе, газета «Красная звезда» писала: «В воздухе стоит постоянный назойливый гул. Несколькими ярусами, на разных высотах кипит непрерывный бой. На несколько минут мечущиеся точки исчезают в облаках, но потом снова выплывают в синие проталины неба, отмечая свой путь тонкими линиями белого разряженного воздуха.

Короткие пулеметные очереди то и дело раздаются в высоте. Самолеты сходятся в смертельной схватке, расходятся снова, норовя обмануть друг друга. Наконец небо озаряется яркой вспышкой, за одним из самолетов протягивается длинный хвост дыма, и машина, распадаясь на части, плавно и безвозвратно идет к земле».

В памяти Маресьева тоже отложились жаркие воздушные схватки: «Те, кто участвовал в Сталинградской битве, говорят, что таких массовых воздушных боев даже в Сталинградской битве не было! То есть в период Орловско-Курской битвы, в отдельные дни скапливалось по 350 самолетов с обеих сторон! Вы представляете себе! Там вот, когда получали задание на охрану или, как у нас говорят, на барражирование нашего участка сухопутных войск, и вот тебе показывают, в таком направлении идет группа фашистских самолетов...

Посмотришь, — там туча, — здесь, вроде, ясное небо... А потом, когда туча начинает приближаться и силуэты самолетов начинают вырисовываться, и думаешь, а, вот что это за туча! Слушаешь команду ведущего и, соответственно, — тактика... И начинается воздушный бой!

Вот какие массовые воздушные бои были, и наши летчики выходили в них победителями!»

Маресьев наравне со всеми уходил на боевые задания. Какие жуткие боли испытывал Маресьев — знал только он сам. Но в бою ему было не до чувств, не до ощущений. Все «прелести» своего положения Маресьев вкушал уже после воздушных схваток. Он очень сильно уставал, культы натирало протезами так, что сочились кровь. Как только Маресьев приземлялся, его уже ждал техник самолета с ведром теплой воды, чтобы их обмыть.

«Возвращаясь с задания, старший лейтенант Алексей Маресьев с трудом вылезал из кабины “Лавочкина”, — свидетельствовал комэск гвардии капитан Александр Числов, — и друзьям иногда приходилось его относить в землянку на руках — от усталости и боли в ногах не мог сделать ни шагу.

Нас многое восхищало в нем, но больше всего его нечеловеческое терпение. Так за день намотаешься, что и здоровые ноги едва держат, а тут...»

Между тем слава об отважном летчике, его сбитых самолетах вскоре разнеслась по всему 1-му гвардейскому истребительному авиационному корпусу 15-й воздушной армии.

В один из дней в полк приехал специальный корреспондент «Правды» Борис Полевой, будущий автор «Повести о настоящем человеке», прототипом главного героя которой станет Маресьев. Он решил встретиться с наиболее отличившимися в боях с асами люфтваффе летчиками-гвардейцами. Впоследствии писатель вспоминал: «Битва на Курской дуге продолжала разыгрываться. Писать большой репортаж о ходе сражения было рано, и мысль дать материал о героических летчиках показалась мне весьма перспективной. В полку было самое горячее время. Эскадрильи в бою, прямо в воздухе сменяли друг друга. Командир полка сам был в комбинезоне и шлеме. Не сразу он понял, кто перед ним и что хочет от него, а поняв, даже не заглянул в красную сафьяновую книжечку «Правды», обычно помогавшую мне раскрывать самые черствые сердца, сказал жалобным голосом:

Не могу, ни минуты не могу тебе, майор, уделить. Горячка. Сам сегодня дважды в бой ходил. Ступай к начальнику штаба, он в кустах у микрофона, он тебе все расскажет и героев назовет.

Начальник штаба, молодой офицер, сорванным фальцетом руководил по радио воздушным боем. От меня отмахнулся как от комара, но потом, когда до него дошло слово «Правда», надсадно произнес:

Бой идет!.. Как вы не понимаете? Две эскадрильи в воздухе. Какие тут разговоры. — И, отдав несколько команд в микрофон, продолжил: — Герои? Пожалуйста, сколько угодно! На выбор... Вот что, идите-ка вы сейчас на летное поле, ребята будут садиться. Смотрите тройку. На тройке старший лейтенант Алексей Маресьев. Наземные донесли: сейчас второго фашиста за сегодняшний день сбил. Еще не подтверждено, но, наверное, действительно, сбил. Вот ловите его и пишите. Хороший, между прочим, парень. Впрочем, в нашем полку все хорошие».

Через несколько минут Полевой уже находился налетном поле, окруженном со всех сторон молодым березняком. После воздушных схваток «Лавочкины» заходили на посадку. Не глуша моторов, покачивая крыльями, они, словно лодки, двигались в сторону своих капониров. Два самолета сели, а еще одного все не было. На аэродроме началась суета. Все — от техников до летчиков — нетерпеливо посматривали то на выцветший холст неба, то на часы.

И вдруг как-то неожиданно из-за макушек берез, почти бесшумно, вынырнул истребитель, снизился, коснулся колесами примятой травы, слегка подпрыгнул, потом плавно

докатился до леса и замер. Никто из машины не вылезал. На фюзеляже крупно красовалась цифра «3».

К самолету во всю прыть бежали люди. Туда же, прыгая по кочкам, стремительно помчалась «санитарка». Между тем из самолета так никто не вылезал. Но вот наконец откинулся фонарь кабины и показалась крупная голова летчика. Затем вылетела и упала на землю черная палка, украшенная какой-то затейливой золотой монограммой. Сам летчик вылезал неестественно трудно, будто кто-то удерживал его в кабине. Он перенес свое тело через борт, опустил на крыло и потом тяжело слез на землю.

— Ранило? Куда, в какое место? — сыпал вопросами врач.

— Слава Богу, целый, — тяжело ответил летчик.

Затем он снял с головы шлем, вытер рукавом пот с лица.

Черные волосы были настолько мокрые от пота, что, казалось, летчик только что вынырнул из реки.

Далее Полевой пишет: «Я уже знал, что этот тот самый старший лейтенант* Маресьев, к которому меня адресовали, тот, кто, по неподтвержденным данным, сбил сегодня еще один самолет. Мог ли я тогда подумать, что репортерская судьба сдружит меня с этим человеком, свяжет на всю жизнь.

Подошел к нему. Представился. Он ненавидящим взглядом скользнул по моему лицу.

— Воды, — сказал хрипло.

Медицинская сестра протянула ему термос и стакан. Стакан он отстранил и стал пить прямо из горлышка, причем термос в руке его дрожал и стучал по зубам.

— Вы действительно сбили второй за сегодняшний день самолет?

— Сбил, сбил... Кажется, сбил. Об этом потом, еле на ногах стою. — И, по-видимому, уловив на лице моем нетерпение, уже спокойнее сказал: — Вот что, майор, есть предложение: пойдете сейчас вместе в столовку. Есть хочется — спасу нет. Пообедаем. Я сегодня два раза потрещал над Раппортом. Горючего как раз на двоих хватит. Там и побеседуем.

— Что это значит: “потрещал над Раппортом”? В каком смысле?

Оказывается, в этом гвардейском авиационном полку летчики завели шуточный обычай: за сбитый самолет к ужину в дополнение к “ворошиловской дозе” военторг выдавал дополнительно 200 граммов водки. У заведующего военторгом была фамилия Раппорт. Так вот победитель, возвращаясь на аэродром, делал круг над столовой военторга. Это и называлось “потрещать над Раппортом”.

* На момент встречи с Б. Н. Полевым Маресьев являлся лейтенантом.

— Сегодня нам на двоих для хорошего разговора хватит, — уже спокойно сказал летчик. С него схлынуло невероятное напряжение боя. Он окончательно пришел в себя. Черные глаза весело смотрели со смуглого, цыгановатого лица.

— Так пошли, что ли?.. Мне еще только вот умыться надо. Пошли?»

Как потом рассказывал Полевой, прямо с летного поля они направились в летную столовую. Сели за стол, выпили по одной, другой «наркомовской». Но Маресьев оказался человеком очень неразговорчивым, будто воды в рот набрал. Даже то, что он дважды «потрещал над Раппортом», летчик рассказал корреспонденту немного. В основном анкетные данные: такого-то года рождения, волгарь, комсомолец, холостой, с начала войны на фронте...

Пока допивали «наркомовские», аэродром накрыл вязкий белесый туман. Погода в те дни не шибко баловала летчиков: то обрушивались буйные грозы, то ложились мутные туманы, то облачность опускалась до самых верхушек берез и сосен. Маресьев предложил Полевому переночевать у него в землянке, а утром, по солнышку, улететь в Москву. Расположившись на березовом лежаке с соломенным матрацем, Полевой задремал и сквозь сон слышал, как Маресьев, выйдя из землянки, громко фыркая и крикая, умывался холодной водой. Но проснулся гость от стука чего-то тяжелого о земляной пол. На фронте сон беспокойный, тревожный. Полевой инстинктивно приподнялся на лежаке, быстро сунул руку под подушку, где лежал пистолет. То, что Полевой увидел на полу, стало для него потрясением:

«При свете лампы-коптилки, сделанной из сплющенной гильзы, какие и тут, на Курской дуге, продолжали называть «сталинградками», я разглядел две ноги в сапогах, торчащие из-под лежака соседа. Сам он, сидя на лежаке, тихо смеялся:

— Отбой воздушной тревоги, майор. Это же мои протезы.

— Протезы? Как так протезы? Откуда, почему?

— А так, обычные протезы. У меня же нет ног. Не заметили, — он довольно засмеялся. — И никто из наших звонарей так ничего вам и не рассказал? — Для убедительности он похлопал ладонью по одеялу, по тому месту, где полагалась быть ногам.

Ног не было. Безногий летчик? Летает. Ведет воздушные бои. Сбивает самолеты, где сидят гитлеровские летчики, тоже мастера своего дела... Фантастика! Этому невозможно было поверить. Но как не поверишь? Этот летчик, летчик-уникум, вероятно, единственный в своем роде, может быть, даже и за всю историю авиации. Вот он, рядом. До него можно дотронуться рукой. Сидит, застенчиво улыбается, наблюдая мое недоумение.

— Ну, спите, спите, завтра могут рано поднять. Спокойной ночи. — И он натянул на голову одеяло.

Но уж какая тут спокойная ночь. Усталости как не бывало. Поняв, какой уникальный материал послала мне

судьба в лице этого человека, я, разумеется, уже не мог спать, да и гостеприимный хозяин, хотя и лежал тихо, закрывшись с головой одеялом, тоже не спал. У него были свои причины: сбиты в один день два самолета. Разве заснешь?

Так мы и лежали неподвижно, слушая сквозь шелест завязавшегося дождя звуки близкой артиллерийской канонады, доносившейся с Курской дуги.

— Не спите?

— Не сплю.

— Я тоже. Тогда, может быть, поговорим?

Я полез в полевую сумку за толстой тетрадкой, в которую по привычке записывал в свободную минуту все самое значительное и интересное, что доводилось узнать. Он сел на лежаке и, не знаю уж почему, вероятно, под напором нахлынувших воспоминаний, принялся рассказывать необычную свою одиссею...

Они проговорили до утра. Маресьев рассказывал, Полевой старательно записывал его необыкновенную историю. А потом разговор вновь продолжился, поскольку с рассвета пошел дождь. Думали, что он будет по-летнему недолгим, а он зарядил не шутку. Небо затянуло набухшими плотными облаками. О полетах не могло быть и речи. Полевому же нелетная погода была только на руку. Он сумел еще о многом расспросить Маресьева. Записывая рассказ летчика, корреспондент уже мысленно выстраивал будущую публикацию для газеты «Правда».

— Хочу очень подробно написать о вас в «Правде», — делился своими планами Полевой.

— Что же, напишите, — согласился летчик.

Расставались Полевой и Маресьев как старые друзья.

Однако следующая их встреча состоится лишь после войны. На многочисленных фронтовых дорогах им не суждено было свидеться. Война выбирала каждому из них свои маршруты.

После отъезда Полевого Маресьев стал регулярно просматривать свежие номера «Правды». Однако публикации о себе так и не дождался. Не увидел свой материал в газете и Полевой, который он написал по горячим следам, озаглавив «Русский воин Алексей Маресьев». Но если Маресьев не знал, по какой причине очерк о нем не опубликовали на страницах газеты, то автору причина стала известна сразу. Впоследствии Полевой в своей книге «Самые памятные... История моих репортажей» вспоминал:

«Редактор П. Н. Пospelов вышел из-за стола, пожал мне руку своей мягкой, но сильной рукой и с некоторой торжественностью подвел меня к своему необычайно большому, вмонтированному в стену сейфу. Открыл тяжелую дверцу. Достал уже начавший желтеть оттиск газетной полосы с приколотой к нему гранкой передовой. В полосе стояла и фотография: Алексей Маресьев, усталый, с запавшими

глазами, с щетиной на подбородке на фоне своего самолета.

— Вы узнаете этот почерк? — очень торжественно спросил он, указывая на оттиск.

В левом углу страницы синим карандашом было написано: “Интересно, но давать сейчас несвоевременно. Пусть товарищ Полевой напишет об этом подробнее”.

Да, почерк этот, с четко выписанными и как бы заостренными кверху буквами, был мне знаком. И. Сталин!

— Теперь вы поняли, в чем дело? — спросил редактор. — Несвоевременно.

Это точно сказано: несвоевременно. Чтобы отвлечь внимание от сокрушительного поражения на Курской дуге, Геббельс вопит сегодня, что русские армии обескровлены, что русские выдыхаются, бросают в бой последние резервы. Стариков, детей, недолечившихся раненых из госпиталей. Это сейчас лейтмотив всей их пропаганды. Своевременно ли рассказывать о том, что в нашей авиации воюют безногие летчики?»

В конце этого разговора Пospelов сказал Полевому:

— Не огорчайтесь. Это не пропадет, кончится война, издадим целую книгу... Пишите... Это стоит книги.

Наш рассказ о книге еще впереди. А пока вернемся в 63-й гвардейский истребительный авиационный полк. В те же жаркие дни в полку побывал и командующий ВВС Красной армии маршал авиации А. А. Новиков. Координируя усилия 1-й, 15-й и 16-й воздушных армий, маршал авиации не упускал из виду боевые действия отдельных частей и соединений, нередко приезжал и прилетал на фронтовые аэродромы, чтобы встретиться с кем-либо из летчиков. Он искренне радовался, узнав, что летчик А. В. Ворожейкин на Як-7 в одном воздушном бою сбил три вражеских самолета. В другом полку старший лейтенант Н. Д. Гусев с 5 по 11 июля уничтожил 13 фашистских самолетов. Летчики-гвардейцы 63-го авиаполка также отличились, уничтожив два десятка вражеских самолетов. Поэтому был хороший повод побывать и у гвардейцев.

Прибыв в полк, Новиков распорядился собрать всех командиров эскадрилий. Беседовал с каждым в отдельности. Дошла очередь и до командира Маресьева — комэска гвардии капитана А. М. Числова.

— Сколько ходишь в капитанах? — спросил маршал.

— Полтора года, товарищ маршал!

— А сколько самолетов сбил?

— Пятнадцать.

— Запиши, — приказал адъютанту Новиков, — гвардии майора Числова представить к званию Героя Советского Союза.

— Товарищ маршал, — обратился Числов к Новикову, — разрешите доложить: у меня в эскадрилье воюет замечательный парень, очень хороший летчик, только он... без

ног.

— Как это без ног? Срочно его ко мне!

Сохранилась фотография, где Новиков жмет руку Маресьеву. «Именно он, командующий ВВС Красной армии, взял на себя ответственность за судьбу этого человека», — засвидетельствовал в книге «Главный маршал авиации А. А. Новиков» А. А. Хоробрых, он же биограф маршала. Они беседовали с глазу на глаз почти час. Маршал и старший лейтенант. Этот разговор хорошо отложился в памяти Маресьева.

— У вас автомашина есть? — спросил его Новиков.

— Я пешком не хожу, — последовал ответ.

— Нет, я вас спрашиваю, у вас машина есть?

— Товарищ командующий, я пешком не хожу. Потом, здесь негде пешком ходить.

— Что вам все-таки нужно?

— Протезы бы сменить. Побыстрее их сделать...

Несколько иначе рассказывал об этой встрече бывший механик самолета Маресьева, ветеран Великой Отечественной войны П. Я. Пивкин.

В тот день гвардии сержант Пивкин проверял электрогенератор на истребителе Маресьева. Неожиданно к самолету подкатила «Эмка», из которой вышел командующий ВВС Новиков. Маресьев и Пивкин в один момент вытянулись по стойке «смирно». Маресьев, приложив ладонь правой руки к пилотке, громким голосом начал докладывать:

— Товарищ маршал авиации, производим техобслуживание. Командир звена гвардии лейтенант Маресьев.

— Гвардии старший лейтенант.

— Никак нет, товарищ маршал авиации, гвардии лейтенант.

— С сегодняшнего дня вы — гвардии старший лейтенант, — сказал Новиков, протянув руку легчику.

Вполне вероятно, что такой диалог между Маресьевым и Новиковым имел место. В личном деле Маресьева есть запись о присвоении ему приказом ВВС РККА за грифованным номером 013 от 22 июля 1943 года воинского звания гвардии старшего лейтенанта. Именно в 20-х числах июля в полку находился военачальник, что он сам подтвердил в своих дневниковых записях: «Курская дуга. Поездка на КП к Науменко*. Потом — к Белецкому**. Новосиль. Поездка к Маресьеву...»

* Генерал-лейтенант авиации Николай Федорович Науменко с мая 1943 года командовал 15-й воздушной армией.

** Генерал-лейтенант авиации Евгений Михайлович Белецкий с сентября 1942 года командовал 1-м (с марта 1943 года 1-м гвардейским) истребительным авиационным корпусом.

Примечательно, что уже через некоторое время после отъезда маршала в полк прилетел У-2, и на нем Маресьева доставили в Москву. Одели в новую форму, сняли мерки на протезы и отправили в подмосковный санаторий. Огромная заслуга в этом принадлежала маршалу авиации Новикову, который проявил настоящую заботу о Маресьеве.

Внимание, чуткость к людям были всегда отличительной чертой Новикова. Пример с Маресьевым лучшее тому подтверждение. Но не только за это уважали летчики своего главкома. Новиков имел большой опыт руководства войсками, причем как общевойсковой, так и авиационный. Всесторонне образованный, широко эрудированный, он был новатором по духу, образу мышления и действий. У него, по воспоминаниям прославленных советских асов, было чему поучиться. Именно Новикову принадлежит идея массирования боевых действий авиации на главных направлениях — не распылять удары авиации по второстепенным целям, а сосредоточивать их на главном; создания для этих целей воздушных армий — оперативных объединений авиации всех родов и назначений в масштабе фронта; массированного применения авиации в борьбе за господство в воздухе — удары по аэродромам, воздушные бои и сражения. Новиков ввел централизацию управления, много внимания уделял системе подготовки кадров авиации — летчиков, штурманов, технического состава. При нем была улучшена структура тыла: созданы батальоны аэродромного обслуживания (БАО), районы авиационного базирования (РАБ).

К сожалению, после войны, когда вновь прокатилась волна борьбы с «врагами народа», главный маршал авиации А. А. Новиков был привлечен к уголовной ответственности по так называемому «делу авиаторов». Вместе с ним на скамье подсудимых оказались нарком авиационной промышленности СССР А. И. Шахурин, главный инженер ВВС генерал-полковник инженерно-авиационной службы А. К. Репин, член Военного совета ВВС генерал-полковник авиации Н. С. Шиманов, начальник Главного управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Н. П. Селезнев, а также заведующий отделами Управления кадров ЦК ВКП(б) — самолетостроения (А. В. Будников) и по авиационному моторостроению (Г. М. Григорьян).

Как установили сотрудники Главного управления контрразведки Смерш, на протяжении войны руководители авиапрома выпускали «сырую» продукцию и по сговору с командованием ВВС при молчаливом согласии курировавших поставки техники в ВВС работников ЦК партии «протаскивали на вооружение Красной армии бракованные самолеты». В результате с ноября 1942 года по февраль 1946 года произошло более 45 тысяч невылетов самолетов на боевое задание, 756 аварий и 305 катастроф по причине неполадок матчасти.

И только после смерти И. В. Сталина Военная коллегия

Верховного суда СССР пересмотрела «дело авиаторов». Вынесенный ранее приговор был отменен «за отсутствием состава преступления». На основе материалов уголовного дела юристы сделали противоположный вывод — обвиняемые свои служебные обязанности выполняли добросовестно, а производственные дефекты в обстановке спешки, ажиотажа, отсутствия необходимых технологических усло- 142 вий были неизбежны и не могут быть поставлены в вину руководителям авиапрома и ВВС.

Новикову, как и всем остальным, вернули награды, восстановили в звании. Однако главный маршал авиации уже не занял прежний пост, но в авиации остался. У Маресьева с Новиковым были очень хорошие отношения. Не случайно, видимо, Алексей Петрович хранил у себя фотографию, на которой он запечатлен с маршалом.

Однако вернемся в лето 1943 года. В санатории Маресьев узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного совета СССР от 24 августа 1943 года был опубликован в центральных газетах уже на следующий день. Одновременно этого высокого звания удостоился и командир Маресьева — гвардии майор Александр Числов. Тем же Указом звание Героя Советского Союза было присвоено старшему лейтенанту Петру Шемен-дюку, с которым Маресьев впервые поднялся в небо над Комсомольском-на-Амуре, а потом вместе учился в Батай-ской военной авиационной школе пилотов. Воистину, мир тесен!

В наградном листе, подписанном 23 июля командиром 63-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии подполковником Н. П. Ивановым, о гвардии старшем лейтенанте Маресьеве, заместителе командира эскадрильи сказано: «На фронтах Великой Отечественной войны находится с августа месяца 1941 г. За это время произвел 77 боевых вылетов и лично в воздушных боях уничтожил 6 вражеских самолетов противника. Будучи на Северо-Западном фронте, был сбит — 18 дней находился без пищи и общения с людьми, отморозил обе ноги, которые были ампутированы. Беспредельно преданный партии Ленина - Сталина и своей Социалистической Родине, не имея обеих ног, он не покидает летной работы, а всеми силами и средствами стремится допущения к ней. Получив разрешение, он осваивает скоростной истребитель Ла-5, на котором с успехом бьет немецко-фашистских захватчиков в воздухе. За время пребывания на Орловском направлении Брянского фронта произвел 7 боевых вылетов и лично сбил три фашистских самолета, проявив при этом летное мастерство, мужество, героизм и отвагу.

27.07.43 года во время воздушного боя с превосходящими силами противника спас жизнь 2-х летчиков, в числе которых был командир соседнего истребительного авиационного полка. В этом неравном бою им было уничтожено 2 немецких

истребителя. Факт сбитая 3 самолетов противника подтверждается экипажами самолетов, наблюдавших падение последних, и частями наземных войск 63 армии.

Истинный русский патриот, не жалея жизни и крови, сражается против немецко-фашистских захватчиков и, несмотря на серьезные физические недостатки, добивается в воздушных боях серьезных успехов. Занимая должность зам. командира эскадрильи, он имеет богатый боевой опыт — учит своих летчиков мастерству воздушного боя рассказом, а в непосредственном воздушном бою — личным примером-показом. Среди личного состава пользуется исключительным большим авторитетом.

За 20 штурмовок и лично 3 сбитых самолетов противника был награжден орденом «Красное Знамя».

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, за проявление исключительного патриотизма, за 6 лично сбитых самолетов и 20 эффективно проведенных штурмовок войск и техники противника достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

Одновременно командир полка гвардии подполковник Иванов подписал представление на присвоение звания Героя Советского Союза и на командира эскадрильи гвардии майора Числова. Однако поздравить своих подчиненных комполка не пришлось. 7 августа он погиб в воздушном бою. Указом Президиума Верховного совета СССР гвардии подполковнику Николаю Павловичу Иванову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Награду Маресьев получил 3 сентября в Кремле из рук самого «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Момент вручения Золотой Звезды сохранился на кадрах фотохроники. На сцене стоит улыбающийся Маресьев с уже приколотыми на гимнастерку Звездой Героя и орденом Ленина. В руках — грамота Верховного совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза «за геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками». Тут же, в первом ряду, сидит полковник Василий Сталин, сын Верховного главнокомандующего, с которым Маресьев познакомился на церемонии награждения. В дальнейшем они еще не раз встретятся, о чем еще пойдет речь в нашем повествовании.

Высокое звание Героя, конечно, окрыляло. Но Маресьев считал, что ему его присвоили авансом. Дело в том, что еще 19 августа 1941 года И. В. Сталин подписал приказ № 0299 «О порядке награждения летного состава военно-воздушных сил Красной армии и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков». Этим приказом регламентировался порядок награждения летчиков всех видов авиации. Так, летчиков-истребителей за три сбитых самолета противника представляли к награждению орденом, за три

следующих уничтоженных — ко второму. За 10 сбитых самолетов врага уже можно было рассчитывать на высшую награду — звание Героя Советского Союза. У Маресьева на счету было только 6 сбитых немецких самолетов. Поэтому «аванс» надо было отрабатывать, чтобы потом его никто не мог упрекнуть или обвинить за малое количество уничтоженных самолетов противника.

Безусловно, для летчика-истребителя количество сбитых самолетов — это показатель его мастерства, но не только этим оценивается его вклад в общую победу. Чаще всего истребители обеспечивают прикрытие с воздуха штурмовиков и бомбардировщиков. Именно те решают основную боевую задачу, то есть уничтожают наземного противника. Поэтому, если летчик-истребитель сбил всего лишь 3—4 самолета, это совсем не значит, что он воевал неудачно. Забегая вперед скажем: свою «норму» Маресьев выполнил, на его счету к середине 1944 года было 11 сбитых самолетов противника.

В санатории Маресьев пробыл несколько недель. После изматывающих боев ему, безногому летчику, отдых был крайне необходим. Все это время он старался вести подвижный образ жизни: совершал прогулки по лесным тропам, катался на велосипеде и даже играл в волейбол. В санатории ему заменили протезы. Оттуда же Маресьев слетал в Горький* за новым самолетом.

Название города Нижний Новгород в 1932—1990 годах.

Как летел Маресьев из Горького — еще одна история. Получив новый самолет, он отправился в столицу без полетной карты. Шел вдоль автострады Горький — Москва. Столица встретила низкой облачностью. В поисках Центрального аэродрома, который находился на Ходынке, пришлось изрядно покругить над крышами домов. Это был определенный риск, поскольку самолет мог попасть под обстрел своих же зениток. Но, к счастью, все обошлось. Маресьев благополучно совершил посадку. Он ждал нагоняя от начальства и соответствующего наказания. Однако гром не грянул, молнии не засверкали. Воздушного «хулигана» лишь слегка пожурили. Герой как-никак...

Вскоре Маресьев вновь был в родном полку, где его назначили на должность помощника командира полка по воздушно-стрелковой подготовке. По сути, заместителем. К тому времени война все дальше катилась на запад. Одержав победу в Курской битве, Красная армия шагнула вперед и в решительном порыве погнала захватчиков с советской земли. Местом базирования 63-го полка стал аэродром Орел (военный). Здесь же разместился 160-й истребительный авиационный полк. Еще один полк дивизии — 32-й гвардейский истребительный авиационный полк — «прописался» на аэродроме Орел (гражданский).

Однако после перебазирования случилась беда. В один из

дней к летчикам приехали ленинградские артисты. Личный состав 63-го гвардейского, 160-го полков и подразделений обслуживания собрали в районе расположения самолетов 63-го гвардейского полка. Сценой стали кузова двух автомашин. В разгар концерта перед наступлением сумерек немцы предприняли мощную бомбардировку аэродрома. Она продолжалась до рассвета. В результате 27 человек летного и инженерно-технического состава были ранены, один летчик погиб. Кроме того, сгорело несколько самолетов, а часть получила серьезные повреждения. По одной из версий, кто-то навел люфтваффе на аэродром. Но была еще причина: командование не приняло должных мер, как требуется в боевых условиях, для прикрытия аэродрома.

В первых числах октября полк вместе с другими полками дивизии был перебазирован в район Тулы на тыловой аэродромный узел Волынцево для доукомплектования личным составом и материальной частью. Здесь пути Маресьева вновь пересеклись с французскими летчиками из полка «Нормандия — Неман». В Волынцеве французы тоже получали материальную часть и доукомплектовывались личным составом. Правда, на новом месте никому долго находиться не пришлось. После получения самолетов и ввода в строй молодого пополнения 63-й гиап перебазировался поближе к району боевых действий.

К тому времени, а это был конец октября, Ставка Верховного главнокомандования преобразовала Брянский фронт в Прибалтийский и перенацелила его на новое направление. 63-й гвардейский истребительный авиационный полк передали в состав авиации Резерва Верховного главнокомандования, но уже через месяц он воевал в составе 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта. Не прошло и двух недель, как в середине ноября полк оказался в 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта. На войне как войне. Командованию было виднее, где усилить авиацией тот или иной участок фронта.

Новая должность Маресьева обязывала его находиться чаще на земле, поскольку летчиков, особенно молодых, надо было учить воевать. Сам он еще с курсантской поры хорошо запомнил слова одного из своих наставников о том, что летчик-истребитель, отлично владеющий и техникой пилотирования, и тактикой применения истребителя, но не владеющий приемами воздушной стрельбы, не может стать победителем в бою.

Это правило Маресьев усвоил, что называется, на собственной шкуре, когда сходил в бою с немецкими летчиками. Если ты не сбиваешь, тебя сбивают. И теперь, используя собственный опыт, он рассказывал летчикам о роли применения прицела в достижении высокой точности стрельбы, показывал, как точно определять расстояние до цели, выбирать ракурс атаки... К занятиям Маресьев привлекал других опытных летчиков, которые приводили

конкретные примеры своих действий в бою. Скажем, как лучше атаковать истребитель-цель — сзади, сверху, сбоку под ракурсом? Когда и с какой дальности лучше открывать огонь при атаке бомбардировщика цели? Эти и многие другие вопросы отрабатывали летчики под руководством Маресьева. Все понимали: чтобы побеждать врага, надо уметь воевать. Поэтому учились и воевали.

Вообще, Маресьев помог многим молодым летчикам определить свое место в строю. К примеру, иному вчерашнему выпускнику училища не хватало стойкости, выдержки, воли, опыта. Вот тут как раз рядом оказывался он, профессионал своего дела. Его надежная направляющая рука, поддержка способствовали скорейшему вводу в строй новичка.

В повседневных заботах бежали будни. Вылеты на задания, показательные занятия, недолгие часы отдыха.. В один из последних ноябрьских дней гвардии майор Числов преподнес Маресьеву сюрприз. Зайдя к нему в землянку, комэск протянул Алексею свежий номер газеты «Красная звезда».

— Читай, тут про тебя написано, — улыбаясь, сказал Александр.

— Где? — спросил Маресьев.

— Вот. — Числов показал пальцем на рассказ «Воля», занимавший половину газетной полосы.

— Значит, корреспондент сдержал слово, — взял в руки газету Маресьев.

Невольно вспомнился подмосковный санаторий. Скамейка в тенистом парке. Встреча с корреспондентом газеты «Красная звезда» майором Василием Ильенковым, который тоже поправлял здоровье. Во время командировки на фронт он подорвался на mine, получив серьезное ранение ноги. Узнав, что Маресьев без ног, да еще и летает, Ильенков заинтересовался судьбой летчика, обещал написать о нем в газете. Маресьев сообщил Ильенкову, что пару месяцев назад с ним уже встречался корреспондент из «Правды», но так ничего и не написал.

— Я напишу, — заверил майор.

И точно, слово свое сдержал.

Рассказ «Воля», опубликованный в «Красной звезде» 28 ноября 1943 года, начинался так:

«Навсегда... Навсегда», — думал про себя Алексей Петрусьев, разглядывая одеяло, плоско, как на доске, лежавшее на его ногах. Вот уже полгода, как он лежит и смотрит в одну точку и думает одну и ту же неотвязную думу: как жить без ног? В открытое окно доносился шум большого города, шум неумолкающего движения. По тротуару проходили люди, и слышно было, как весело стучат каблуки по асфальту. Счастливые! Бежали дети из школы, перегоняя друг друга. Счастливые!»

— Это же не про меня, — прочитав первый абзац,

недоуменно вскинул брови Маресьев. — Здесь какой-то Петрусьев...

— Читай, читай дальше, — дружески хлопнул его по плечу Числов.

Маресьев продолжил чтение:

«Петрусьев закрыл глаза и увидел себя на пристани родного Камышина. Сюда прибегал он после уроков и, закинув удочку, погружался в блаженное созерцание бесконечно струящейся голубой волжской воды. Алексея всегда изумляло это неистощимое, величественное движение реки. Легкий ветер бороздил воду, и она сверкала, отвечая солнцу блеском неустанно бегущих волн. Кричали чайки, рассекая острыми крыльями упругий, теплый воздух, и бе- 148 лый, как чайка, пароход беззвучно плыл вниз по течению, а далеко, в опаловой дымке поднимался гористый берег, за которым лежал большой неведомый мир.

И не было ничего прекрасней в мире, чем эта могучая, широкая, сверкающая река. Но однажды над Волгой появился самолет. Он прилетел с того берега, пронесся над водой, взмыл в облака и стал кувыркаться, выписывая на голубом небе петлю за петлей. Он с ревом набирал высоту, задрал нос кверху, потом умолкал и, опрокинувшись на спину, валился вниз, молча, беспомощно, словно от безмерной усталости, и сердце Алексея замирало в страхе, восторге и зависти к человеку, обретшему крылья. Он не видел, как окунь дернул поплавок и потащил его в глубину. Он не видел ни Волги, ни парохода, причалившего к пристани, ни людей, шумной толпой хлынувших на берег. Он не слышал ни рева сирены, ни колокола, ни криков людей... Он видел лишь самолет, кувыркавшийся в небе, и слышал лишь его захлебывающийся радостный вой».

Чем дальше Маресьев погружался в чтение, тем больше он узнавал себя в главном герое. Автор в деталях описывал, как Алексей строил город Комсомольск-на-Амуре, занимался в аэроклубе, затем учился на летчика-истребителя. В подробностях в рассказе было изложено участие Петрусьева в воздушных боях с фашистскими стервятниками на Северо-Западном фронте и то, как, недотянув на сбитом самолете до своего аэродрома, он рухнул в лес, а затем 18 суток голодный и обессиленный пробирался к людям. Нашли отражение в повествовании пребывание Петрусьева в госпитале, его хождения после выписки по кабинетам комиссий и штабов, а также долгожданное возвращение на летную стезю. Заканчивался рассказ совсем недавними событиями, а именно — боями под Орлом, встречей с маршалом авиации и присвоением Петрусьеву звания Героя.

— Ну почему Петрусьев? — опять с недоумением в голосе спросил у Числова Маресьев, когда дочитал рассказ до конца. — Ведь здесь все точь-в-точь обо мне написано...

— Видно, Алексей, не пришло еще время назвать твою настоящую фамилию, — задумчиво сказал Числов. — И текст

свой корреспондент не случайно рассказом назвал. А назови он его по-другому, а тебя, как есть, да еще фотографию бы приложил, то завтра бы пропаганда Геббельса на весь мир раструбила, что у русских некому воевать, у них уже безногие летчики воюют.

— Наверное, ты прав, Саня, — согласился Маресьев. — Кадило бы точно раздули. Но газету себе на память оставляю. Всю мою судьбу-индейку корреспондент красочно расписал. Причем правдиво.

Это была первая, пусть и в жанре рассказа, подробная публикация о Маресьеве, его жизни и подвиге. Пройдут годы, публикаций и миллионных тиражей книг о нем будет столько, что нынешним интернетовским поисковым системам типа Google или Яндекс не под силу их учесть. Слава летчика перешагнет границы стран и континентов. Только она никак, как свидетельствуют все, кто знал Маресьева, не повлияет на самого Алексея Петровича, не отразится на его взглядах и поступках. Никакие лучи славы его не ослепят. Никакой звездный хмель его не опьянит. В жизни он как был, так и остался простым человеком.

Вновь вернемся в полк, где в те ноябрьские дни 1943 года шла подготовка к дальнейшим наступательным боям. К тому времени 63-й гиап перебазировался на аэродром Ходатково, что неподалеку от Великих Лук, и сразу включился в работу. Летчики полка, как и их соседи по 1-му гвардейскому истребительному авиационному корпусу, прикрывали боевые порядки наших войск, сосредоточение и перегруппировку частей 11 -й общевойсковой гвардейской армии, вылетали на сопровождение штурмовиков и вели воздушную разведку.

Однако часто подводила погода. Летчики шутили:

— Погода — летим, нет погоды — сидим...

Едва ли не каждый день шли надоедливые осенние дожди. А если прекращались, тут же все окрестности окутывали дымные туманы. Про солнце и говорить было нечего. Оно редко показывалось из-за плотной пелены облаков. Оставалось ждать. Обычно нелетные дни в полку заполнялись теоретическими занятиями, политподготовкой, партийными и комсомольскими собраниями, другими мероприятиями.

Находилось у летчиков, техников время и для отдыха: играли в шахматы, шашки, домино, читали книги, свежие газеты и журналы, слушали патефон. А вечерами даже танцы устраивали. Вот рассказ ветерана Великой Отечественной войны, бывшей телефонистки 688-го батальона аэродромного обслуживания Варвары Митрофановны Цеминой (в девичестве Стребковой) о встрече с Маресьевым и танцах:

«Однажды к нам на аэродром перебазировался полк, и сразу пронесся слух, что в нем служит летчик Алексей Маресьев, который летает без ног. Когда летчики пошли в столовую, мы, любопытные девчата, выстроились в шеренгу и

гадаем: какой же из них безногий? Все с ногами, никого даже с палочкой нет, шагают особой легкой походкой враскачку... Давай тогда у техников выпытывать, а те смеются: “Эх, вы — ротозеи! На улице зима, мороз, у всех на ногах унты, а у него хромовые сапоги”. Потом был вечер отдыха в клубе. А Маресьев всем девушкам нравился — чернявый, высокий, красивый, и все подшучивал: “У моей матери два сына, а третий — летчик!” И вот он пригласил меня на танец. А я засмушалась и нечаянно наступила ему на ногу. Расстроилась, чуть не плачу и опять так случилось. Тут уж слезы сами брызнули из глаз. А он улыбнулся и говорит: “Что вы, девушка, наступайте смелее, мне же все равно не больно! Протез — штука бесчувственная”».

Так протекали дни, если были плохие метеоусловия. Противник тоже отсиживался на своих аэродромах. Но как только появлялись «прорехи» в небе, летчики сразу отправлялись на боевые задания. Правда, за весь ноябрь Маресьев сделал всего два вылета. Но один отложился в его памяти на всю жизнь, как, впрочем, и в памяти механика самолета гвардии старшего сержанта Гурия Прасолова.

Как вспоминал впоследствии Прасолов, произошла нештатная ситуация. Была объявлена тревога, и летчики начали прибывать к своим самолетам. Маресьев сразу направился к своей машине. Однако она еще не была готова к вылету: обслужена, но не протестирована. Летчик тем не менее намеревался сесть в кабину, но механик попытался его остановить:

— Лететь нельзя, товарищ гвардии старший лейтенант, самолет к вылету не готов!

Однако Маресьев не слушал механика, внутри у него все горело:

— Ты понимаешь, черт тебя возьми, что мне лететь надо!

— Полетите на исправном самолете! — требовательно сказал Прасолов, и рука механика непроизвольно потянулась к кобуре пистолета.

Маресьев, как известно, был не робкого десятка. Но настойчивость механика самолета его остановила. После того, как все было проверено, Прасолов разрешил Маресьеву занять место в кабине самолета. Что ж, на войне как на войне. У каждого свои обязанности. Маресьев не обиделся на своего подчиненного, поскольку тот был прав.

Утром 13 декабря 1943 года началось наступление советских войск. 11-я гвардейская общевойсковая армия получила задачу овладеть белорусским городом Городок и далее наступать на Витебск, обходя его с северо-запада. На этом участке фронта немцы создали мощную оборону, выступ севернее Городка оборонял IX армейский корпус генерала пехоты Рольфа Вумана в составе пяти дивизий. Как назло, туман опять сковал действия авиации, в результате чего наземные войска не получили поддержки с ее стороны.

Бездействовала и немецкая авиация. И только 15 декабря, когда метеоусловия улучшились, летчики приступили к выполнению плана поддержки наступающих советских войск.

Уже знакомый читателю генерал-лейтенант авиации Ф. А. Костенко, вспоминая те дни, подробно рассказал о летчиках 63-го гиап, в том числе и о Маресьеве. Приведем строки из его мемуаров: «1-му гвардейскому истребительному авиакорпусу в этом наступлении предстояло выполнить две задачи — прикрыть поле боя и сопровождать штурмовиков.

Авиация противника тоже с самого утра 15 декабря начала боевые действия. Бомбардировщики группами по 18-30 Ю-87 (реже Хе-111 и Ю-88) под прикрытием истребителей ФВ-190 наносили удары по наступающим войскам 11-й гвардейской армии. Кроме того, истребители врага группами по 8—12 самолетов прикрывали свои обороняющиеся войска, противодействуя нашим бомбардировщикам и штурмовикам.

Полки 1-го гвардейского иак развернули решительную борьбу за господство в воздухе в районе начавшегося наступления наших войск. Советские летчики встречали бомбардировщиков противника на подступах к прикрываемому району, в бои вступали смело, вели их решительно и тактически грамотно.

Первым по плану начал боевые действия 63-й гвардейский иап. 8 Ла-5 этого полка под командованием гвардии капитана И. М. Березуцкого, прикрывая с высоты 2500—3000 метров войска в районе Езерище, Городок, встретили до 25 бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием 6 ФВ-190, шедших на высоте 1500—2000 метров. Наши летчики хорошо знали, что бомбардировщики Ю-87 над целью обычно образуют круг и поочередно пикируют, прикрывая друг друга. Помешать им прицельно бомбить в таком строю, как показал опыт, было нелегко. Поэтому группа Березуцкого, используя преимущество в высоте, поспешила навстречу противнику, чтобы еще на подходах к цели сбить врага с курса и заставить сбросить бомбы бесприцельно.

Оценив воздушную обстановку, Березуцкий решил парой гвардии старшего лейтенанта Г. П. Бурлакина связать боем истребителей прикрытия, а оставшейся шестеркой атаковать бомбардировщики. Бурлакин на большой скорости атаковал одну, затем другую пару истребителей противника и завязал с ним бой. Тем временем шестерка во главе с Березуцким устремилась на «Юнкерсы». В небе закружилась огненная карусель. Рев моторов, хлесткие пушечные и пулеметные очереди слились в невообразимый гул.

Со второй атаки гвардии капитан Березуцкий сбил одного «Юнкерса», другого поджег Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант А. П. Маресьев. В момент, когда Маресьев добивал «Юнкере», его ведомого К. И. Короткова атаковали два ФВ-190. Обладая удивительной осмотрительностью в бою, Маресьев заметил раньше самого Короткова, что тому грозит

опасность. Предупредив своего напарника, Маресьев послал последнюю длинную очередь вдогонку “Юнкерсу” и поспешил на выручку боевому товарищу.

В одной из лобовых атак самолет Маресьева получил пробоину в левой верхней части мотора. Гвардии старший лейтенант искусно сманивировал, вышел из боя и произвел посадку на своем аэродроме.

Удар бомбардировщиков противника по наступающим войскам 11-й гвардейской армии не состоялся. Враг, потеряв два самолета, убрался с поля боя. Для советских летчиков это была первая победа дня...»

К сожалению, в этот день 63-й гиап потерял своего командира — Героя Советского Союза гвардии майора А. А. Федотова. Именно он чуть больше полугода назад, будучи штурманом полка, привел из Иванова новую эскадрилью, в составе которой прилетел Маресьев. Смерть получилась какой-то нелепой. Во время воздушного боя Федотов подбил немецкий самолет, но при маневре для второй атаки его Ла-5 неожиданно перешел в крутое пикирование и почти отвесно врезался в землю.

В полку тяжело переживали гибель своего командира, поскольку он принадлежал к числу таких начальников, которых подчиненные не только уважают, но и любят. Выпускник Оренбургского училища летчиков, Федотов с первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте. Уничтожил 22 самолета противника, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, двух орденов Ленина, Красного Знамени и других наград. В полку он для всех служил примером. Требовательный и одновременно тактичный, Федотов никогда не допускал в разговоре с подчиненными грубость. Летчиков, особенно молодых, он учил, а не поучал.

Федотов очень уважительно относился к Маресьеву и как к летчику, и как к человеку. Не случайно он был у него помощником по летно-стрелковой службе. Подтверждением этому служит написанная им боевая характеристика на гвардии старшего лейтенанта А. П. Маресьева. Вот некоторые выдержки из нее:

«Летал и летает на самолетах: У-2, УТ-2, УТИ-4, И-16, ЯК-1 и ЛА-5. Имеет общий налет 765 часов, 4610 посадок, из них на самолете ЛА-5 — 89 часов, 72 посадки.

На фронтах Великой Отечественной войны находится с августа 1941 г. За это время произвел 86 боевых вылетов и в воздушных боях лично уничтожил 6 самолетов противника... Беспредельно преданный партии Ленина—Сталина и своей Социалистической Родине, не имея обеих ног, гвардии старший лейтенант Маресьев, не покидает летной работы, а всеми силами и средствами стремится к допущению к ней. Получив разрешение, он осваивает скоростной истребитель ЛА-5, на котором с успехом в настоящее время бьет

фашистских захватчиков в воздухе.

В воздушных боях добивается отличных успехов. Имея богатый боевой опыт, он учит летный состав мастерству воздушного боя рассказом, а в воздушном бою — показом и личным примером.

Среди личного состава полка пользуется исключительно большим авторитетом и уважением. Дисциплинирован. Требователен. Инициативен. Морально и идеологически устойчив. Военную тайну хранить умеет...»

Сам же Маресьев так сказал о своем командире: «Это был необыкновенно храбрый летчик и мудрый командир. Андрей Андреевич всегда оставался человеком большой души и редкой доброты».

После гибели Федотова командиром полка был назначен Герой Советского Союза гвардии майор Александр Михайлович Числов, с которым Маресьев впервые поднялся в небо на Курской дуге. Под началом нового командира летчики продолжили вести активные боевые действия, мстя фашистам за своего погибшего командира. В течение двух 154 дней 16—17 декабря с окруженной группировкой противника было покончено, Городок был освобожден от врага, немцы потеряли больше 20 тысяч человек. Было захвачено много пленных и трофеи. На втором этапе операции, которая продолжалась почти до 31 декабря, советские войска вышли на ближние подступы к Витебску. В этом был и весомый вклад летчиков 63-го иап, в том числе и Маресьева.

Начало 1944 года 63-й авиаполк также провел в напряженных воздушных боях. Немцы, надеясь восстановить утраченное положение, предприняли несколько попыток атаковать позиции советских частей. Вражеская авиация активно поддерживала свои войска, пытавшиеся перейти в наступление. Поэтому в небе царил высокий накал. В отдельные январские дни напряжение достигало такого уровня, что в воздухе одновременно находилось несколько десятков наших истребителей. Полк буквально висел в небе. Одна группа меняла другую. Здесь, на подступах к Витебску, нашла широкое применение имевшаяся в авиакорпусе радиолокационная станция «Редут». Она стала четко выдавать данные о полетах авиации противника.

Так, 8 января в середине дня была вызвана и наведена на бомбардировщики люфтваффе группа под командованием гвардии майора Числова. В ее составе находился и Маресьев. В районе Городка наши летчики встретили сразу восемнадцать Ил.87, которых прикрывали истребители Руу.190. Завязался тяжелый бой. Действуя смело и решительно, наши летчики сбили семь самолетов противника, не потеряв ни одного своего. Командир 3-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковник В. П. Ухов тут же по радио объявил благодарность летчикам за их успешные действия.

В начале февраля, завершив подготовку, войска 1-го Прибалтийского фронта перешли в решительное наступление

на Витебском направлении. Противник создал на этом участке глубоко эшелонированную оборону и всячески пытался остановить продвижение советских войск. С этой целью немцы подтянули значительную часть своих резервов и авиации.

Воздушные бои, в которых принимал участие и Маресьев, носили ожесточенный характер. Самолеты 3-й воздушной армии непрерывными бомбардировочными и штурмовыми ударами по противнику на поле боя содействовали 11-й гвардейской и 4-й ударной армиям в преодолении упорного сопротивления противника. И оно вскоре было сломлено.

В те дни в жизни Маресьева произошло сразу несколько важных событий. Одно случилось накануне 26-й годовщины создания Красной армии. Приказом командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта генерала армии И.Х. Баграмяна гвардии старшему лейтенанту Маресьеву было присвоено воинское звание гвардии капитана. Для человека служивого повышение в звании является знаковым событием, и конечно, Маресьев был очень рад этому. Принимая от командира полка гвардии майора Числова капитанские погоны, он заверил, что будет и впредь достойно служить Родине, не жалея себя, беспощадно громить фашистов. Не нарушил Маресьев и давнюю офицерскую традицию: в кругу боевых товарищей отметил получение четвертой звездочки. Как водится, летчики выпили за новоиспеченного гвардии капитана, за Победу, а третью чарку подняли за погибших товарищей.

Тогда же Маресьев получил из рук начальника политотдела дивизии и партийный билет. Кандидатом в члены ВКП(б) его приняли, как уже говорилось выше, еще в сентябре 1941 года. С тех пор, два с лишним года, он мытарствовал в этом качестве. Хотя в соответствии с постановлением ЦК партии от 19 декабря 1941 года «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками» Маресьева должны были принять в члены ВКП(б) после трехмесячного кандидатского стажа, притом что стандартный срок составлял один год. Однако за все это время положенный стаж ему так и не удалось набрать, поскольку что в 580-м истребительном авиационном полку, что в 14-м запасном авиационном полку он находился менее трех месяцев. И только в 63-м полку Маресьев накопил необходимый стаж, при этом вновь отличился в боях с немецкими захватчиками. При приеме в партию вопросов у коммунистов полка к нему практически не было. Биографию его они хорошо знали. А как воюет — Звезда Героя на груди служила тому ответом. Поэтому проголосовали за Маресьева единогласно, о чем и записали в протоколе собрания.

В годы Великой Отечественной войны у коммунистов не было никаких привилегий, кроме одной — первым идти в бой и последним выходить из него. «Коммунисты, вперед!» — этот

лозунг звучал в атакующей цепи пехоты и в 156 эфире воздушного боя, в шлемофонах танкистов и в отсеках подводной лодки. Красная книжица партийного билета, которую Маресьев получил и постоянно потом носил в левом кармане гимнастерки, рядом с сердцем, всегда ему напоминала о том, что он обязан личным примером, мужеством и отвагой поднимать боевой дух товарищей по оружию, вести их на подвиг, вселять уверенность в победе. Уместно сказать, что Маресьев с честью оправдывал звание коммуниста. До конца своих дней он очень гордился тем, что вступил в партию в тяжелом и тревожном для страны 1941 году.

Почти одновременно с получением капитанских погон и партбилета Маресьев получил новое назначение: он стал штурманом полка. Должность эта в авиации очень ответственная. Когда у летчиков-фронтовиков спрашивали, что было необходимо для успешного выполнения боевой задачи, они, не задумываясь, отвечали: прежде всего, для этого нужен хороший штурман — без него в небе делать нечего. И в этом не было никакого преувеличения. Опытный штурман способен проложить точный курс до цели, даже если в ходе боя навигационные приборы выйдут из строя. Только штурман может проторить курс, учитывая данные об облачности, скорости и направлении ветра, сносе машины, направлении воздушных потоков...

Но круг обязанностей у Маресьева, как штурмана полка, был намного шире. На нем лежала ответственность за штурманское обеспечение вылетов, проведение инструкторско-методических занятий с командирами и штурманами эскадрилий и звеньев. Он осуществлял контроль за полетами, готовил данные для их разбора для командира полка и т. д. При этом никто не отменял вылеты на боевые задания.

Однако штурманом Маресьев пробыл недолго. 25 марта 1944 года 1-й гвардейский истребительный авиакорпус был выведен из оперативного подчинения 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта и к 5 апреля перебазировался в тыл для доукомплектования личным составом и получения новой материальной части. 3-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию, в составе которой находился 63-й гвардейский авиаполк, отвели на тыловой аэродром близ города Анреполь, что недалеко от Великих Лук. Полки получили новые машины и пополнение молодых летчиков. Произошли и кадровые перемены. Гвардии майора А. М. Числова, друга Маресьева, перевели командиром в соседний, 32-й гиап. Новым командиром полка был назначен Герой Советского Союза гвардии подполковник Е. М. Горбатьюк, опытный летчик, впоследствии дослужившийся до заместителя главнокомандующего ВВС и генерал-полковника

авиации. Перестановки произошли и в других полках.

Через некоторое время сменился и командир дивизии. В соответствии с приказом командующего ВВС гвардии генерал-майор авиации В. П. Ухов передал командование соединением сыну Верховного полковнику Василию Сталину и убыл во 2-ю воздушную армию, где вскоре принял 10-ю гвардейскую истребительную авиационную Сталинградскую дивизию. К слову сказать, в 1943 году в течение нескольких месяцев командиром 32-го гвардейского истребительного авиационного полка, входившего в дивизию Ухова, был как раз полковник Сталин. Теперь он возглавил всю дивизию. Другого назначения сын Сталина и не мог получить. Дивизия являлась одной из лучших в ВВС. Название гвардейская, Краснознаменная говорило само за себя. Кроме того, за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими оккупантами и участие в освобождении Брянска дивизия получила наименование Брянская. В полках соединения, большинство из которых являлись гвардейскими, воевали настоящие асы со Звездами Героев.

Василий Сталин неплохо знал дивизию, а также многих летчиков. Знали и его в соединении. Причем как с хорошей стороны, так и с плохой. По отзывам однополчан, Василий Сталин был смелым летчиком, имел на счету сбитые немецкие самолеты. Хотя его первой задачей, как командира полка, было не сбивать самолеты противника, а не терять управление воздушным боем. Тем не менее он вместе со всеми вылетал на боевые задания, за что его и уважали в полку.

Однако нередко Василий совершал поступки, которые его не красили как командира и офицера. Уже знакомый читателю генерал-майор авиации Ухов после войны вспоминал, что «на командование авиационной дивизией и на заботу о том, чтобы ничего не случилось с В. И. Сталиным, приходилось тратить одинаковое количество сил, энергии и времени». В апреле 1943 года по вине Василия Сталина произошло ЧП, из-за чего он был снят с должности командира полка с формулировкой «за разгул и пьянство». В тот роковой день его полк должен был перелететь на подмосковный аэродром Малино для доукомплектования техникой и людьми. На промежуточном аэродроме Василий Сталин и его подчиненные — четыре Героя Советского Союза — подполковник Н. И. Власов, капитаны А. Я. Баклан, В. И. Гаранин, А. Г. Котов, а также командир звена лейтенант А. Г. Шишкин (будущий Герой Советского Союза) и инженер по вооружению полка инженер-капитан В. С. Разин решили порыбачить. Для этого они отправились на речку и стали глушить рыбу гранатами и реактивными снарядами. При броске последнего боеприпаса капитан Разин ошибся — поторопился вывернуть взрыватель. Прогремел взрыв, в результате которого один человек погиб, второй был ранен

тяжело, третий — легко. Тяжелое ранение получил и сын Сталина — крупный осколок от реактивного снаряда попал в левую стопу, повредил кость. Второй осколок легко задел левую щеку. После трагической «рыбалки» Василия Сталина понизили в должности до рядового летчика-инструктора 193-го истребительного авиационного полка. Это решение состоялось по приказу отца, который сказал, что без его распоряжения никаких командных постов Василию больше не давать. Однако прошло время, гнев отца сменился на милость. В январе 1944 года Василий приступил к исполнению обязанностей инспектора-летчика по технике пилотирования в том же 1-м гвардейском истребительном авиакорпусе, в котором воевал до ЧП. А в мае того же года он вступил в командование 3-й гвардейской Краснознаменной Брянской истребительной авиадивизией.

С приходом в дивизию нового командира произошел очередной вираж и в судьбе Маресьева. Командованием было принято решение об откомандировании его в распоряжение Управления кадров ВВС РККА. Существует версия, что это было сделано с подачи именно Василия Сталина. Подругой версии, инициатором перевода Маресьева в Москву выступил командующий ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков.

В связи с чем решили отозвать летчика с фронта? Ответ простой. Война близилась к завершению, ни у кого не было сомнений в том, что нацистская Германия скоро будет разгромлена. Наша авиация безраздельно господствовала в воздухе. В полках и соединениях находилось много опытных воздушных бойцов, которые превосходили асов Геринга и тактически, и физически. Держать в летном строю инвалида, каковым являлся Маресьев, уже не было необходимости. Тем более что он с честью выполнил свой долг перед Родиной, совершив во имя нее ярчайший человеческий и ратный подвиг. Сам же Маресьев честно признавался — летать без ног было тяжело, нагрузки даже для здорового человека запредельные. Он не отказывался от боевых вылетов и не жаловался, но когда ему предложили нелетную должность, дал согласие. Хотя, конечно, не хотелось оставлять родной гвардейский полк, к которому прикипел всем сердцем.

В середине мая, сдав дела и тепло попрощавшись с боевыми товарищами, Маресьев убыл в Москву.

Глава 7
НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит. За летчиков мы должны стоять горой.

И. В. Сталин

Майская Москва встретила Маресьева теплом и характерной для больших городов суетой. Людские волны, где быстро, а где неспешно, катились по вымытым первыми весенними дождями улицам, на которых находились различные учреждения, конторы, магазины, кинотеатры... Гулко стучали по рельсам трамваи, слышались резкие сигналы двигавшихся легковых машин, раздавались трели милицейских свистков... Столица, как и до войны, пребывала в своем обычном состоянии.

В гостинице Центрального дома Красной армии, где Маресьев остановился, тоже царило оживление. На фронте, в родном полку с кем бок о бок воюешь, с тем постоянно и видишься. Здесь же, в главном временном пристанище приезжего армейского люда, словно на перекрестке, можно было повстречать офицеров и генералов едва ли не всех родов войск, какие существовали на тот момент в вооруженных силах. Были тут и танкисты, и артиллеристы, и летчики, и моряки и даже кавалеристы. У каждого из них, как и у Маресьева, имелась своя причина прибытия в столицу. Кто-то приехал за новым назначением, кого-то вызвали на «ковер», а другого, наоборот, пригласили для вручения награды. Были и такие, кому надо было лишь ночь перекантоваться, а утром, согласно командировочному предписанию, следовать дальше. На фронт или в тыл, а может, с фронта на фронт... Война, как кто-то точно подметил, она большая.

Переночевав, Маресьев прямо с утра отправился на Большую Пироговскую улицу в штаб ВВС Красной армии.

В бюро пропусков, где образовалась небольшая очередь, его пропустили вперед. «Золотая Звезда» Героя на гимнастерке стала ему своего рода пропуском и в кабинеты высокого начальства. Маресьева принял начальник Управления кадров генерал-лейтенант инженерно-аэродромной службы В. И. Орехов. В конце 1942 года Маресьев уже с ним встречался: именно этот генерал сыграл тогда едва ли не главную роль в эпопее по возвращению его в небо. Напомним читателю слова, сказанные Маресьевым об Орехове осенью 1942 года: «...единственный человек — этот генерал, который мне помог».

И вот новая встреча. Орехов сразу узнал своего «крестника», крепко пожал ему руку, несколько раз хлопнул по плечу и пригласил выпить чаю. Во время чаепития он подробно расспросил Маресьева о его фронтовых делах, а потом сказал:

— Мы решили назначить вас инспектором-летчиком в Управление вузов Главного управления обучения, формирования и боевой подготовки. Опыт у вас приличный, к тому же были летчиком-инструктором. Кому как не вам теперь оценивать подготовку будущих летчиков-истребителей в наших авиашколах и училищах.

— Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать, — ответил немногословный Маресьев.

— Вот и хорошо, — заулыбался генерал. — Но сначала отправляйтесь в отпуск, отдохните, а потом приступайте к исполнению новых обязанностей.

Так Маресьев оказался на штабной работе, хотя, как позже признавался, его душа не шибко лежала к тому, чтобы протирать галифе в кабинете. На войне была конкретная боевая работа, а на новом месте пришлось иметь дело с бумагами. Поэтому, когда его отправляли в командировку в какое-нибудь училище или какую-нибудь авиашколу, он с радостью туда ехал. Там, на «земле», он вновь оказывался в привычной сердцу обстановке: аэродром, гул моторов, взлетающие и идущие на посадку крылатые машины...

Обычно выезды были в составе инспекторской группы, задача которой состояла в проведении комплексной проверки того или иного военно-учебного заведения. Что не нравилось Маресьеву в этих командировках, так это полеты к месту назначения и обратно в Москву. И была на то причина. В кабине самолета, когда он сам им управлял, Маресьев забывал о своих ампутированных ногах. Тогда как во время даже часового сидения на жесткой скамье транспортного Ли-2 культя его ног начинали сильно болеть. Впрочем, к болям ему было не привыкать.

Между тем штабные будни, словно часовые в карауле, сменяли друга друга. Постепенно Маресьев освоил обязанности, научился составлять справки, отчеты, доклады... Да и война близилась к концу. Кажется, еще недавно на полевом аэродроме в районе Орла они с Александром

Числовым и Сергеем Петровым сидели на траве под крылом «Лавочкина» и мечтали о победе над врагом. Верили, не жалели себя ради нее. И она пришла в теплый майский день. Великая, долгожданная и окончательная.

Однако Маресьеву не удалось ее отметить подобающим образом. Вместо Красной площади, где ликовал народ и полыхали разноцветные сполохи победного салюта, он в этот день оказался на госпитальной койке. А произошло следующее. Будучи холостяком, Маресьев не обременял себя заботами о приготовлении пищи. Питался, как говорится, сухим пайком. Накануне ему как раз и выдали на службе очередной продовольственный паек, в котором наряду с другими продуктами было несколько банок «второго фронта» — так фронтовики окрестили американскую тушенку*.

* По ленд-лизу США поставляли в СССР большое количество мясных консервов, прежде всего марки SPAM фирмы *Hoyme! GooJ*. Четырехугольная банка имела сбоку ключ, который наматывал на себя при открывании тонкую полоску металла. Шутка заключалась в том, что этот процесс получил название «открытие Второго фронта».

Одну из них он открыл вечером, с аппетитом съел за ужином полбанки. Оставшуюся часть выставил за окно комнаты общежития, где жил. Холодильников тогда не было. К утру тушенка, скорее всего, из-за теплой погоды испортилась, но Маресьев, завтракая, это не почувствовал. Через день пошла сыпь по телу, поднялась температура. В итоге он оказался в госпитале с диагнозом крапивная лихорадка. Конечно, это аллергическое заболевание не шло ни в какое сравнение с тем, что Маресьев перенес раньше. Но как бы там ни было, а чарку за Победу пришлось выпить позже.

В том же победном 1945 году закончилась и холостяцкая жизнь нашего героя. В Главном штабе ВВС Маресьев однажды увидел красивую девушку, которая ему очень понравилась. Девушку звали Галиной, она работала делопроизводителем в одном из управлений. Но подойти к ней, познакомиться не решился. Это в бою он был смел и бесстрашен, а перед женским полом, случалось, робел. «Я же по натуре был стеснительным парнем, — вспоминал Маресьев. — А тут еще, думаю, неизвестно, как Галя отнесется к моей инвалидности. Поэтому, прежде чем клинья подбивать, попросил начальника отдела кадров выяснить о ней — с кем живет, как живет. Она потом рассказывала — крепко испугалась, кадровики ведь просто так никогда не вызывали. И после этого я уже сам начал за Галей ухаживать...».

Галина Викторовна Третьякова была родом из подмосковного города Клин. На тот момент у нее уже имелись ухажеры. Причем из сферы культуры: один — музыкант, другой — поэт. Но она выбрала летчика, который

уже через месяц после знакомства сделал ей предложение выйти за него замуж. Их брак был зарегистрирован 21 ноября 1945 года в Сокольническом загсе города Москвы. В тот же день сыграли скромную свадьбу.

Новый, 1946 год Алексей и Галина встретили в семейном кругу. В сентябре у них родился сын. Первенца назвали Виктором в честь отца Галины. Вскоре после рождения сына Маресьевы получили четырехкомнатную квартиру в доме на улице Горького*, практически на Пушкинской площади. В этом доме в тот период проживали известные всей стране люди — поэты Алексей Сурков, Михаил Исаковский, первый заместитель генерального прокурора Советского Союза Г. Н. Сафонов, актриса Валентина Серова... До переезда сюда молодая семья ютилась в маленькой комнате в одной из столичных гостиниц.

* Название Тверской улицы в 1932—1990 годах.

Немного раньше, в середине того же 1946 года, Маресьев был уволен из рядов Вооруженных сил. Событие для кадрового офицера, прямо скажем, далеко не радостное. Это подтвердит любой человек в погонах, выбравший однажды своей судьбой служение Родине и отдавший ей лучшие годы жизни. У Маресьева выслуга лет была хотя и маленькая, в общей сложности 12 лет, но расставаться с армией все равно было тяжело.

Однако надо отдать должное военному руководству. Оно по достоинству оценило вклад А. П. Маресьева в защиту Отечества. Вот что было сказано в отдельном приказе, подписанном 22 июля 1946 года заместителем министра Вооруженных сил СССР генералом армии Н. А. Булганиным. Приведем этот документ полностью.

ПРИКАЗ

Министра Вооруженных Сил Союза ССР по личному составу № 0480 г. Москва

Содержание: Об увольнении в отставку и материально-бытовом обеспечении Героя Советского Союза гвардии капитана Маресьева А. П.

Центральной врачебно-летной комиссией (ЦВАК) товарищ Маресьев признан негодным к летной работе и негодным к военной работе, с исключением с учета.

В соответствии с Положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, утвержденным Постановлением ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 года, Герой Советского Союза гвардии капитан Маресьев А. П. увольняется из рядов Красной Армии в отставку по статье 4 (по болезни) с присвоением звания «майор».

За выдающиеся заслуги перед Родиной тов. Маресьеву А. П. пожизненно установить материально-бытовое обеспечение в соответствии с приказом заместителя Народного Комиссара

Обороны СССР № 100 от 7 июля 1944 года, приравняв его в правах к старшему офицерскому составу, прослужившему 25 лет в Красной Армии.

В приказе не говорится о том, какие льготы Маресьев получил при увольнении. Между тем они значимые для фронтовика-инвалида, их определили в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР от 28 июня 1944 года № ГОКО-6116 «О материально-бытовом обеспечении генералов, адмиралов, комиссаров государственной безопасности, комиссаров милиции и старшего офицерского состава Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР, имеющих срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас или увольняемых в отставку», на основании которого как раз был издан приказ №100 НКО СССР.

Пенсия Маресьеву была исчислена из штатного оклада денежного содержания по последней должности с процентной надбавкой в размере 80 процентов. При увольнении ему выплатили единовременное пособие в размере трехмесячного оклада. Не ахти какие деньги, но на первый случай крайне необходимые. Одновременно вчерашнему летчику предоставили право на получение жилой площади, на обеспечение медицинской помощью его и членов семьи, включая санаторно-курортное лечение. Был и еще ряд льгот, но уже не столь существенных.

Так Маресьев стал военным пенсионером. На тот момент ему исполнилось 30 лет. Согласитесь, непривычно в таком возрасте быть пенсионером. Да и сам Маресьев ощущал себя не в своей тарелке. «Ну какой я пенсионер?» — задавался он вопросом. Наделенный с рождения жизнедеятельным характером, наш герой по определению не мог сидеть дома. Тем не менее с работой пришлось повременить. Возникли проблемы со здоровьем, что, кстати, стало одной из причин его увольнения со службы. По настоянию врачей он прошел курс лечения в госпитале, затем восстанавливал здоровье в санатории.

Тогда же жизнь Маресьева круто изменилась. Произошло это спустя несколько месяцев после того, как он стал пенсионером. В тот день Маресьев находился дома, сидел на диване и читал газету. Радио было включено, но Маресьев, увлекшись чтением, не слышал, что за передача там транслировалась. В комнате в этот момент находилась Екатерина Никитична, мама Маресьева, которая неожиданно прервала его чтение:

— Леня, сынок, послушай, это же про тебя.

Отложив в сторону газету, Маресьев прислушался. В репродукторе звучал хорошо поставленный голос. Это был артист, поскольку он очень выразительно и трогательно читал текст:

«Теперь у него была цель жизни: вернуться к профессии истребителя. С тем же фанатическим упрямством, с каким он, обезножив, выползал к своим, стремился он к этой цели... Даже хождение для безногого — нелегкое дело. Мересьев же намеревался управлять самолетом, и именно истребителем. А для этого, в особенности в мгновения воздушного боя, когда все рассчитано на сотые доли секунды и согласованность движений должна подниматься до степеней и безусловного рефлекса, ноги должны уметь проделывать не менее точную, искусную, а главное — быструю работу, чем руки. Нужно было так себя натренировать, чтобы пристегнутые к обрубкам ног куски дерева и кожи выполняли эту тонкую работу как живой орган.

Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днем отводил ей на минуту больше, чем вчера. Это были страшные минуты — минуты, когда слезы сами лились из глаз и приходилось до крови кусать губы, чтобы сдержать невольный стон. Но он заставлял себя проделывать упражнения сначала один, потом два раза в день, с каждым разом увеличивая их продолжительность...»

Маресьев вновь узнал себя, хотя неизвестный ему в те минуты автор изменил лишь одну букву в фамилии главного героя, назвав его Мересьевым. «Неужели Василий Ильенков из “Красной звезды” обо мне написал?» — первое, что пришло в голову Маресьеву. Однако когда диктор завершил читать очередной отрывок и сказал о том, что чтение книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (повесть опубликована в журнале «Октябрь», № 7—8 за 1946 год) будет продолжено завтра, Маресьев сразу вспомнил майора из газеты «Правда», их встречу под Орлом летом 1943 года. Тогда, как сказано в предыдущей главе, Полевой обещал написать о Маресьеве в газете. Обещание свое сдержал, но Сталин наложил табу на подготовленную к печати статью. Теперь же на свет появилась целая книга о нем.

Вот что рассказывал Полевой в своих воспоминаниях об истории создания повести и ее герое, с которым они расстались летом 1943 года: «...С тех пор я не встречал Алексея Маресьева, но повсюду, куда бы ни бросала меня военная судьба, возил я с собой две ученические тетрадки, на которых еще под Орлом записал необыкновенную одиссею этого летчика. Сколько раз во время войны, в дни затишья и после, по странам освобожденной Европы, принимался я за очерк о нем и каждый раз откладывал работу, потому что все, что удавалось написать, казалось лишь бледной тенью его жизни!

Но вот в Нюрнберге присутствовал я на заседании Международного военного трибунала. Шел к концу допрос Германа Геринга. Дрогнув под тяжестью документальных улик, прижатый к стене вопросами советского обвинителя, “второй наци Германии” неохотно, сквозь зубы рассказывал

суду о том, как в битвах на необъятных просторах моей родины под ударами Красной армии таяла и разваливалась гигантская армия фашизма, до тех пор не знавшая поражений. Оправдываясь, Геринг поднял к небу тусклые глаза: “Такова была воля провидения”...

— Признаете ли вы, что, предательски напав на Советский Союз, вследствие чего Германия оказалась разгромленной, вы совершили величайшее преступление? — спросил Геринга советский обвинитель Роман Руденко.

— Это не преступление, это роковая ошибка, — глухо ответил Геринг, хмуро опуская глаза. — Я могу признать только, что мы поступили опрометчиво, потому что, как выяснилось в ходе войны, мы многого не знали, а о многом не могли и подозревать. Главное — мы не знали и не по-
167
няли советских русских. Они были и останутся загадкой. Никакая, самая хорошая агентура не может разоблачить истинного военного потенциала Советов. Я говорю не о числе пушек, самолетов и танков. Это мы приблизительно знали. Я говорю не о мощи и мобильности промышленности. Я говорю о людях, а русский человек всегда был загадкой для иностранца. Наполеон тоже его не понял. Мы лишь повторили ошибку Наполеона...

И мне вдруг вспомнился Алексей Маресьев. Полузабытый образ его ярко и неотвязно вставал передо мной тут, в этом строгом, облицованном дубовом зале. И захотелось здесь же, в Нюрнберге, в городе, который был колыбелью фашизма, рассказать об одном из миллионов советских людей, разбивших армии Кейтеля, воздушный флот Геринга, хоронивших на дне морском корабли Редера и могучими своими ударами разрушивших разбойничье государство Гитлера.

Ученические тетрадки в желтых обложках, на одной из которых маресьевским почерком было выведено: “Дневник боевых полетов третьей эскадрильи”, прибыли со мной и в Нюрнберг. Вернувшись с заседания Трибунала, я принялся разбирать старые записи и снова засел за работу, пытаясь правдиво рассказать об Алексее Маресьеве все, что знал с его слов.

Многое в свое время я не успел записать, многое за четыре года потерялось в памяти. Многого, по скромности своей, не рассказал тогда Алексей Маресьев. Пришлось додумывать, дополнять. Стерлись в памяти портреты его друзей, о которых тепло и ярко рассказывал он в ту ночь. Их пришлось создавать заново. Не имея здесь возможности строго придерживаться фактов, я слегка изменил фамилию героя и дал новые имена тем, кто сопутствовал ему, кто помогал ему на трудном пути его подвига. Пусть не обидятся они на меня за это, если узнают себя в рассказе.

Я назвал книгу “Повесть о настоящем человеке”, потому что Алексей Маресьев и есть настоящий советский человек, которого никогда не понимал, да так и не понял до самой

своей позорной смерти Герман Геринг, которого не понимают до сих пор и все те, кто склонен забывать уроки истории, кто и теперь еще втайне мечтает пойти по пути Наполеона и Гитлера».

Книгу Борис Полевой написал на одном дыхании за рекордно короткий срок — за 19 дней. Свое новое произведение он хотел показать прототипу, то есть Маресьеву. Однако, по словам писателя, разыскать его через общих знакомых-летчиков и официальные источники не удалось. В это верится с трудом, поскольку Маресьева нужно было разыскивать не через знакомых-летчиков, а через штаб ВВС. Уж там-то точно бы сообщили о судьбе летчика, который еще недавно там служил. Впрочем, всякое могло быть. Сразу после окончания Великой Отечественной войны в Вооруженных силах началась массовая демобилизация личного состава. Домой — в семьи, к мирной жизни возвращались победители. Счет демобилизованных шел на миллионы. Среди этих миллионов вполне мог затеряться даже Герой Советского Союза, которых были тысячи. Одним из них как раз и был Маресьев.

Между тем Маресьев сам нашел Полевого. Прослушав по радио несколько отрывков из его книги, он позвонил в редакцию «Правды», узнал номер телефона писателя. Вскоре состоялась их встреча. Полевой не скрывал, что создавал свое произведение на основе рассказа Маресьева и собственного художественного вымысла.

«Полевой действительно не показывал мне книгу до того, как она появилась в магазинах, — подтвердил в одном из интервью Маресьев. — Когда повесть напечатали, мне подарили экземпляр. Но я ее так и не прочитал. Несколько раз пытался. Но все как-то... В принципе Полевой все написал правильно. Придумал, правда, роман, который якобы был у меня с девушкой Ольгой. Хотя созданный им образ советской девушки мне нравится».

Писательский вымысел присутствует и на других страницах повести. К примеру, не понравился Маресьеву полностью придуманный эпизод с поеданием героем ежа. Во время драматичной одиссеи по лесу летчик никакого ежа на своем пути не встречал и, разумеется, его не ел. Никогда летчик не летал с палкой в кабине истребителя. Правда, после полета, на земле, Маресьеву действительно давали палку. По поводу этих и некоторых других подобных вымыслов Маресьев прямо выказывал Полевому. Но это была не обида, просто Алексей Петрович, человек по натуре скромный, честный и порядочный, испытывал некоторую неловкость за написанное о нем. Вот выдержка из другого его интервью: «Почти все, что ты [Б. Н. Полевой. — *Н. К.*] написал, говорю, правда. Ну а привираешь зачем?» А он: «Прости, Петрович, это не документальная повесть, а художественное произведение. Видишь, даже фамилию твою хоть на одну букву, но изменил — Мересьев. И это дает

автору право на домысел”. Я тогда в литературных тонкостях не разбирался. Мыслил себе так: автор боялся, что вдруг запыю и книгу запретят. Вот писатель и подстраховался. Ой, да я на него не в обиде! У каждого свой хлеб...»

Действительно, создавая художественное произведение, Полевой имел полное право описывать тот или иной эпизод так, как он ему представлялся в реальности. Что мастерски и сделал. Аналогично писатель встроил в канву своего повествования ряд персонажей, сцен, которые многократно усилили его эмоционально-патриотическое звучание. И самое главное: Полевой сумел увязать вымышленное с настоящим, невыдуманным подвигом советского летчика, находившегося практически на краю гибели, но продолжавшего с невероятным упорством, на пределе человеческих сил и возможностей двигаться вперед и биться за жизнь. Также подробно автор описал трудное возвращение своего безногого героя в небо, а затем и жаркие фронтовые будни, где в воздушных схватках с врагом Маресьев проявил мужество и героизм, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1947 году «Повесть о настоящем человеке» вышла отдельным изданием. Она сразу прибавила Маресьеву известности. Ведь герой повествования являлся не плодом фантазии писателя, а реальным человеком, живущим среди миллионов своих соотечественников.

Вообще, если бы Борис Полевой не встретил летом 1943 года под Орлом Алексея Маресьева и не написал о нем книгу, то летчик вряд ли стал бы столь знаменитым. Ведь, по большому счету, только однополчане, да и те люди, которых судьба свела с безногим летчиком, могли рассказать о его нравственном и воинском подвиге. В годы Великой Отечественной войны были и летчики, и танкисты, и артиллеристы, воевавшие без ног, а то и без рук, но их имена не получили такого признания, какое приобрел Маресьев.

Только в ВВС после тяжелых ранений, приведших к частичной ампутации одной или обеих ног, вновь сумели вернуться в небо и бесстрашно сражаться с врагом еще восемь человек. Это летчики-истребители гвардии полковник А. И. Грисенко, гвардии подполковник И. С. Любимов, гвардии майоры Л. Г. Белоусов, А. И. Белецкий, гвардии капитаны З. А. Сорокин, Г. П. Кузьмин, гвардии старший лейтенант И. М. Киселев. В этом же списке старший лейтенант И. А. Маликов, который воевал в бомбардировочной авиации. Почти все они были удостоены звания Героя Советского Союза. У каждого из перечисленных имен судьба сродни маресьевской. Взять, к примеру, гвардии старшего лейтенанта Ивана Киселева. В августе 1944 года его самолет был подбит, а сам Киселев тяжело ранен. С оторванной ногой он сумел дотянуть до аэродрома и посадить машину. После госпиталя вновь вернулся в строй, с протезами совершил еще десятки вылетов. Два года воевал на протезах старший лейтенант Илья

Маликов. На его счету более ста вылетов.

«Воевали все! Сколько на свете таких людей, на которых Полевой не нашелся!» Эти слова произнес Маресьев. Несколько позднее он дополнит сказанное: «Я противник того, что меня всю жизнь превозносят, именуют легендарным летчиком, героем из героев. Но я не из легенды, а реальный живой человек. Да, у меня сложная военная судьба. А у кого она простая? Я один из многих, из тех, для кого война стала просто отправной точкой биографии, проверкой силы личности». И он был прав на все 100 процентов, поскольку знал и понимал: в Великой Отечественной войне героизм советских солдат и офицеров был массовым явлением, по сути, нормой.

Книга «Повесть о настоящем человеке» практически сразу стала хрестоматийной. «Это были нелегкие годы для советского народа, когда повесть Б. Полевого приходила к читателям в неустроенные дома, в библиотеки, размещенные во временных помещениях, в семьи, где горько горевали о не вернувшихся с войны, — написал земляк писателя, известный советский и российский поэт Андрей Дементьев. — Каждому эта книга была необходима: и юноше, кончающему школу, и ветерану, у кого в бессонные ночи ныли старые раны. «Повесть о настоящем человеке» только появилась в журнале, как Б. Полевому отовсюду пошли письма. Сотни, тысячи писем от незнакомых и близких людей, от фронтовиков, от женщин, от молодежи. Потом газеты и журналы опубликуют статьи и исследования, посвященные легендарной истории А. Мересьева, но первые читательские письма, безыскусные и благодарные, нередко с поточками от материнских слез, так и остались для писателя самыми дорогими. Трудно сказать что-нибудь новое об этой легендарной книге. Критики, кажется, высказали о ней все. Но каждый день, когда кто-то впервые открывает ее страницы, мысленно он говорит это новое, еще не высказанное до него, потому что нет такого человека на земле, кто бы остался равнодушным рядом с книгой о подвиге А. Мересьева. Да и сам Б. Полевой совершил писательский подвиг, подарив человечеству прекрасную песню о мужестве и жизнелюбии настоящего человека. В трудные послевоенные годы она находила отчаявшихся и возвращала их к жизни, она влекла за собой сильных, стыдила малодушных, становилась другом, учителем, бойцом».

Показательный штрих. Только за первые несколько лет общий тираж изданий книги на русском и других языках составил 2 миллиона 340 тысяч экземпляров. В последующие годы, по данным Всесоюзной книжной палаты, «Повесть о настоящем человеке» выдержала 169 изданий в Советском Союзе и за рубежом, а общий тираж книги составил 9 миллионов 183 тысячи экземпляров. На русском языке «Повесть о настоящем человеке» выходила 81 раз, на языках народов СССР — 49 раз, за рубежом (практически на всех

языках планеты) — 39 раз.

В современной России таких тиражей и количества изданий книга уже не имела. Однако интерес к повести не утратился. Проведенный в 2021 году среди разных слоев населения социологический опрос с целью выяснить, какую книгу о Великой Отечественной войне они считают самой важной, показал следующий результат. Самой главной книгой о Великой Отечественной войне, которую должен прочесть каждый, опрошенные назвали роман Бориса Васильева «А зори здесь тихие», экранизированный в 1972 году. За него свои голоса отдали более 66 процентов респондентов. На втором месте — рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека» (54,2 процента), по которому снял фильм Сергей Бондарчук. На третьем — книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (52,8 процента), экранизированная в 1948 году.

Именно благодаря фильму «Повесть о настоящем человеке» к Маресьеву пришла еще более громкая всенародная слава. Создателем картины был режиссер Александр Борисович Столпер, ранее поставивший фильмы «Парень из нашего города» и «Жди меня». Миллионы людей как в СССР, так и за рубежом увидели человека невероятной силы духа и мужества. Главного героя летчика Мересьева сыграл популярный уже в то время актер Павел Кадочников. В своем дневнике он подробно описал свою встречу с настоящим Маресьевым:

«Волнение охватило меня, когда мне предложили сыграть роль Мересьева. Как рассказать о силе и исключительной воле этого человека, о неисчерпаемом богатстве его внутреннего мира, о красоте подвига? Как нарисовать внешний облик Мересьева, передать зрителю его мужественное преодоление больших физических страданий?..

Какой же Алексей Петрович? Впервые я с ним встретился под Звенигородом, где мы должны были снимать зимнюю натуру. Там мы квартировали в доме отдыха Академии наук. Маресьев шел по длинному коридору чуть покачивающейся походкой. Мы узнали друг друга издали. <...> Я подошел к нему, крепко пожал руку и вдруг понял, что сильно волнуясь. Он еще крепче пожал мою руку и почему-то очень смутился. Позже я записал себе в дневник: “Прославленный летчик, Герой Советского Союза, человек, о подвиге которого знает чуть ли не весь мир, застенчив”.

Мы вошли в мою комнату, молча сели, не очень смело поглядывая друг на друга. Наконец Алексей, первым преодолев смущение, заговорил: “Я ведь знаю, что вас интересует больше всего”. Я был удивлен, потому что не успел сказать ему и двух слов. “Вас интересует, очевидно, больше всего, как мне удалось преодолеть...” Он сделал паузу, а я в это время подумал: “Сейчас скажет ‘район черного

леса”, а он сказал: “...Преодолеть врачебную комиссию и доказать, что я физически здоровый человек”.

И вдруг неожиданно для меня Алексей Петрович мягко и свободно встал на стул и продолжал: “Я ему говорю...” — “Кому?” — переспросил я. “А председателю комиссии, разве это не ноги? Разве не тренировка?” — И звонко похлопав по протезам, Маресьев спрыгнул со стула.

Так в кинокартине родилась сцена “приемная комиссия”. Ее никто не выдумал, она настоящая».

Существует версия, что на роль главного героя фильма приглашали и самого Маресьева. Во всяком случае, этот факт уже после его смерти обнаружил старший сын Виктор: «Отец часто ездил на студию, где его обо всем расспрашивали. Более того, ему даже предлагали сыграть... Мересьева! Отец отмахнулся: “Да вы что! Никогда в жизни!”».

Фильм, как и книгу, Маресьев тоже воспринял со свойственной его характеру сдержанностью. После премьеры он в задумчивости уехал домой. «Дело совсем не в том, что фильм отцу не понравился, а в том, что он очень не любил вспоминать трагедию: как полз по морозу в лесу, — рассказывал Виктор Маресьев. — Даже когда я пытался его расспрашивать о подробностях, он старался перевести разговор на другую тему. Поэтому фильм папа посмотрел всего один раз, на премьере. Его спрашивали: “Понравилось ли вам?” А что он мог ответить? Как ему могло понравиться то, что заново пришлось все это пережить, глядя на экран?»

Что касается Павла Кадочникова, то актер считал эту киноработу одной из самых значимых в своей творческой судьбе. У него даже в квартире скульптура стояла в полный человеческий рост, артист был запечатлен в образе летчика Мересьева. Позднее Кадочников вспоминал: «Чего там скромничать, меня за кино в основном хвалят. Но такого замечательного комплимента, как Леша Маресьев мне никто не отпускал. А он сказал, посмотрев фильм: “Петрович, ты не меня сыграл. Ну что во мне может быть такого примечательного? А сыграл ты думы и чаяния всех боевых летчиков той великой войны. Поэтому от всех них тебе великое спасибо”. Не было у меня, поверьте, лучшей рецензии на мою работу».

Однако прославление подвига Маресьева не ограничилось книгой и фильмом. В том же 1948 году во МХАТе им. М. Горького по произведению Полевого был поставлен спектакль «Повесть о настоящем человеке». И тогда же известный советский композитор С. С. Прокофьев написал оперу с одноименным названием. «Советскому человеку, его беспредельному мужеству посвящаю я свою новую оперу на сюжет глубоко взволновавшей меня “Повести о настоящем человеке” Б. Полевого» — такой эпиграф предпослал композитор к своей работе. Но если спектакль во МХАТе имел зрительский успех, то оперу постигла неудача.

Первое концертное представление этого произведения «для ознакомления музыкальной общественности и коллектива театра с предполагаемой постановкой оперой» состоялось 3 декабря 1948 года в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова (легендарная Мариинка). Однако после просмотра произведение подверглось разгрому со стороны профессионалов, которые назвали его «сырым, недоработанным». Сам композитор вспоминал: «Вместо первоначально намеченного показа оперы в черновом виде только представителям Комитета по делам искусств и Союза советских композиторов для решения вопросов о ее постановке, о возможных поправках и переделках руководство театра, не предупредив композитора, устроило широкий показ недоученной оперы перед многочисленной аудиторией — зал театра был полон».

И лишь спустя 12 лет, 7 октября 1960 года премьера оперы «Повесть о настоящем человеке» прошла в Большом театре Союза ССР. В оперу были внесены изменения, действие стало более концентрированным, динамичным. В этой редакции опера хорошо была встречена театральной публикой. На премьере в качестве почетного гостя присутствовал и Маресьев. Когда умолкли последние аккорды, Маресьева, как прототипа главного героя, попросили подняться на сцену. Зал тут же взорвался аплодисментами. Публика стоя приветствовала легендарного летчика. Маресьев был немногословен. От себя и от имени зрителей он тепло поблагодарил артистов за постановку. Тем не менее некоторые биографы летчика считают, что Маресьев оценил постановку отрицательно. Когда его после просмотра корреспондент спросил о том, что в ней ему понравилось, он якобы сказал, как отрезал:

— Звук мотора!

Любители сенсаций приводят и более резкие слова Маресьева:

— Лучше пусть мне еще раз отрежут ноги, чем смотреть и слушать подобное...

Между тем — это не более чем байки, рассказываемые доморощенными биографами. Хорошо знавший Маресьева М. А. Захарчук, бывший главный редактор журнала «Вестник противовоздушной обороны», поделился с автором книги рассказом об одной встрече с Маресьевым, связанной как раз с оперой.

«Когда я в свое время был специальным корреспондентом ТАСС, — вспоминал Захарчук, — со мной бок о бок трудился непревзойденный журналист-протоколист, суперкоммуникабельный человек Олег Московский. Он был зятем маршала Советского Союза Кирилла Семеновича Москаленко и всеобщим любимцем высшей военной номенклатуры СССР. Московский и познакомил меня с Маресьевым. Они давно дружили

семьями. Мы встретились в комнате приемов Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), что на Гоголевском бульваре. Выпили по рюмке коньяку, и я, ничтоже сумняшеся, решил, что можно, так сказать, и разрядить обстановку. А надо заметить, что с ранней юности собираю всякие народные байки. Вот и начал с анекдота о Маресьеве и опере. И по меняющемуся выражению лица Маресьева понял всю неотразимую императивность пословицы: язык мой — враг мой. Мой коллега, конечно, быстро смикшировал неловкость, но какая-то натянутость все равно потом витала в продолжении нашего общения. Лишь провожая двух корреспондентов ТАСС, Алексей Петрович и расставил все точки над «х». «Кстати, насчет оперы, — заметил он. — Видел и слушал я ее всего раз в жизни. Но поскольку басового ключа от скрипичного не отличаю, то вы же понимаете, что никакого права у меня на оценку нет. Могу лишь добавить: ребята очень старались, и у них, кажется, получилось. Был я после премьеры за кулисами. С Женей Кибкало*, который исполнял главную партию, мы до сих пор в замечательных отношениях. Все остальное — выдумки, которые годами преследуют меня, как Вячеслава Тихонова анекдоты о Штирлице. Так что не обижайтесь...».

* *Евгений Гаврилович Кибкало* (1932—2003) — советский оперный певец, народный артист РСФСР.

Впрочем, книги и фильма хватило сполна, чтобы к Маресьеву пришла всенародная известность. Его стали приглашать на различные мероприятия, он стал частым гостем в школах, учебных заведениях, воинских частях, на заводах и фабриках. Неизменно в кителе, а позже в строгом костюме со Звездой Героя на лацкане, в белой накрахмаленной сорочке и обязательно в галстук — таким он предстал перед разными аудиториями своих соотечественников. Дотошные репортеры даже подметили, как Маресьев щепетильно относился к своему внешнему виду. Так, прежде чем выйти к людям, он обязательно подходил к зеркалу, поправлял прическу, галстук. Затем, точно гимнастерку, одергивал пиджак. Только после этого шел в зал. Скорее всего, эта привычка у него осталась еще с курсантской поры, когда он был в школе пилотов старшиной звена.

Вживую увидеть настоящего человека мечтали многие. Генерал-майор авиации А. К. Сульянов, хорошо знавший прославленного летчика, вспоминал: «Меня удивляла маресьевская школа общения — он находил общий язык с любой аудиторией: будь то летчики, техники, механики, школьники или учителя. Его потрясающее обаяние, умный добрый взгляд, скупые жесты, паузы в беседах — все влияло на людей так, что слушали они его словно замороженные. От Маресьева исходили невидимые флюиды некой скрытой

энергии, которая активизировала людские души на восприятие всего того, о чем он им рассказывал».

После выхода книги и фильма** со всех концов огромной страны в адрес Маресьева и Полевого, а также на радио хлынул нескончаемый поток писем. Именно поток, другому не скажешь. Писали их люди разных национальностей, профессий, званий и возрастов.

** За книгу Борис Полевой получил Сталинскую премию 2-й степени за 1947 год; а за фильм Александр Столпер (режиссер), Марк Магидсон (оператор), Павел Кадочников (исполнитель роли Мересьева), Василий Меркурьев (исполнитель роли Степана Ивановича), Николай Охлопков (исполнитель роли комиссара Воробьева) — Сталинскую премию 2-й степени за 1949 год.

Пришло письмо Маресьеву и из деревни Плав, жители которой вызволили его из «лесного плена». В нем они сообщили, что «книжку читали всей деревней» и признали в ней «своего летчика». Маресьев нашел время, ответил одному из своих спасителей — председателю колхоза М. А. Вихрову, в книге выведенному как дед Михайло.

«Здравствуй, дорогой Михаил Алексеевич!

В первых строках этого первого моего письма к вам, к людям, для меня на всю жизнь дорогим, я должен глубоко извиниться зато, что так долго не мог ответить на ваше письмо... Очень радостно знать, что Вы, Михаил Алексеевич, и ваша семья живы, здоровы. Я думаю, что рассказывать о моем прошлом придется тогда, когда мы с вами встретимся, потому что на бумаге все не опишешь. У меня большое желание приехать к вам в гости и посмотреть на вас.

Крепко всех обнимаю. Алексей Маресьев».

В своем ответе Маресьев выразил желание приехать в края, где его обнаружили жители деревни Плав. Но, к сожалению, ни тогда, ни в последующие годы выбраться на место своего спасения он так и не смог. Не звали? В том-то и дело, что звали. Местные власти, общественные организации регулярно присылали Алексею Петровичу приглашения. Причем не только к юбилейным датам, но и к обычным годовщинам.

По словам уже упомянутого сына Маресьева, «отец всякий раз под разными предлогами и, не объясняя толком причину, отказывался туда ехать, и в конце концов мне стало ясно, что скорее всего ему просто очень трудно было переломить себя психологически. Желание побывать в тех местах, как я хорошо понимал, у него, несомненно, было, но в то же время он, по-моему, испытывал некую боязнь, что ли, перед перспективой оказаться там, где перенес когда-то сильнейшее потрясение в жизни. А там, на месте, и это, наверное, не так уж трудно себе представить, все довольно живо напомнило бы ему о том, что случилось тогда под Валдаем».

Трудно не согласиться с выводами сына Маресьева. Даже такой крепкий, волевой и сильный духом человек, каким был Маресьев, не захотел дважды входить в одну и ту же реку. Тяжело ему было это сделать. Правда, незадолго до своей смерти Алексей Петрович все-таки высказал сожаление о том, что не побывал в краях, где ему выпал жребий остаться в живых. «Знаете, я об одном жалею: что не посетил места еще раз, — сказал он. — Сожалею, что не побывал на “тропе Маресьева”, о которой мне много рассказывают, а ведь Новгородчина рядом. Успокаиваю себя тем, что часто виделся с ребятами, которые меня спасли. Вообще, время очень быстро пролетело».

Что касается его спасителей, то о них он действительно никогда не забывал: вел с ними переписку, посылал или передавал подарки. Например, Сергею Петровичу Малину он подарил фотоаппарат «ФЭД» — роскошь по тем временам. Другому своему спасителю — Александру Михайловичу Вихрову Маресьев поспособствовал сделать зубные протезы. Когда Малин или Вихров бывали в Москве, Алексей Петрович всегда тепло и радушно их принимал...

Однако вернемся в начало послевоенной жизни Маресьева. После обрушившейся на него славы она стала еще более насыщенной и многокрасочной. Поездки по стране, встречи на фабриках и заводах, в школах и воинских частях, выступления на митингах, торжественных собраниях и заседаниях... В Москве мальчишки по утрам собирались стайками возле дома и на улице, где жил Маресьев, и потом сопровождали его по любому маршруту. Герой из книги вызывал у них чувство восхищения. А настоящий Герой с улыбкой сетовал:

— Совсем житья не стало, хоть гримируйся или бороду отращивай...

В марте 1948 года Маресьев вновь вернулся в авиацию. Он начал работать в 1-й Московской специальной школе Военно-воздушных сил (1-я МСШ ВВС), в которую был принят на должность начальника авиационной подготовки. Это учебное заведение, расположенное недалеко от Центрального аэродрома в Чапаевском переулке столицы, было в чем-то сродни царскому кадетскому корпусу. Как в дореволюционной России кадетский корпус давал своим воспитанникам «образование, формировал характер, приучал к исполнению своего долга, внушал любовь к Отечеству», так и в 1-й МСШ ВВС учебный процесс был построен в подобном же ключе.

Идея о создании такого военно-подготовительного заведения была подсказана в свое время наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову известным военным ученым профессором и комкором В.Д. Грендалем. Нарком идею поддержал. И незадолго 178 перед Великой Отечественной войной такая школа была создана.

Спецшкола была военной, учащиеся носили летную форму с погонами. На первом плане было изучение общеобразовательных предметов по программе средней школы. Кроме того, воспитанникам прививали правила хорошего тона, они учились бальным танцам, получали уроки музыки, рисования. В школе был даже свой драмтеатр.

Одновременно огромное внимание уделялось военной подготовке. В программе обучения были предусмотрены специальные профильные дисциплины. В частности, питомцы школы проходили теорию полета, осваивали конструкцию самолета По-2, других типов крылатых машин, постигали основы авиационной навигации, делали разборку и сборку авиационного пулемета ШКАС, прыгали с парашютом, учились вождению на мотоцикле и т. д. Основательно они изучали общевоинские уставы Советской армии — строевой, дисциплинарный, внутренней и гарнизонной служб, наставления по стрельбе из различного оружия. Полученные знания учащиеся применяли на практике, когда занимались строевой подготовкой, заступали в караул, выезжали на стрельбище, а также на лагерные сборы.

После окончания учебы выпускники, как правило, шли учиться в авиационные училища различного профиля — туда они имели право поступать без экзаменов. В дальнейшем они становились военными летчиками, инженерами и даже космонавтами. К примеру, за несколько лет до прихода Маресьева в спецшколу ее окончили будущие летчики-космонавты дважды Герой Советского Союза В. М. Комаров и Герой Советского Союза Л. С. Демин. Часть питомцев выбирала гражданку, но многие из них и там связывали свою жизнь с авиацией.

Преподавание военных дисциплин в школе вели исключительно офицеры запаса — бывшие летчики или военнослужащие, проходившие службу в частях ВВС. Им было разрешено носить военную форму. Так что Маресьев из авиации ушел, но в авиации остался. Подготовка и воспитание будущих летчиков стали его любимым делом.

Обратимся к воспоминаниям одного из питомцев Маресьева, впоследствии генерал-майора А. А. Мамаева: «И вот, когда у меня и моих одноклассников в разгаре был третий год обучения, по школе поползли радостные для нас слухи о том, что одним из педагогов станет вскоре Алексей Петрович Маресьев. Это известие буквально ошеломило нас. Нам было трудно поверить в то, что это действительно произойдет и мы сможем увидеть, услышать, близко узнать человека уникальной судьбы. Ожидание затягивалось, и у нас все отчетливее зрели опасения — а вдруг это является лишь пустыми домыслами и наши мечты так и останутся мечтами. И когда мы с этим почти смирились, долгожданное событие, как бы в награду за наше долготерпение, действительно свершилось.

Как-то на занятиях по классу пролетела весть: «Он — здесь!» Урок прервался, мы кинулись к подоконникам и «прилипли» к стеклам (потом выяснилось, что такая реакция была и у слушателей других аудиторий). Мы увидели, как по дорожке вдоль здания школы вместе с директором А.П. Полехиным шел, по-матросски раскачиваясь и как бы немного приседая на каждом шагу, Алексей Петрович Маресьев, именно такой, каким мы его себе представляли.

Потом была встреча, на которой директор школы очень ровно и буднично без патетики поведал нам, что вышестоящие органы сочли возможным назначить Алексея Петровича начальником авиационной подготовки. Он же будет вести курс теории полетов и вместе с организациями Осоавиахима (вскоре это общество разделилось на ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ) вовлекать нас в занятия авиационными видами спорта. Затем выступил Маресьев. Он сказал, что ему дорога возможность после завершения военной службы оказаться вновь в привычном коллективе, где педагоги были вчерашними офицерами, а учащиеся — будущими. Не скрою нам это пришлось по душе. Мы поняли, что наш наставник хотел подчеркнуть: он видит в нас не школяров, пусть и старшеклассников, а своих младших товарищей, единомышленников и соратников. Это был, пожалуй, первый, очень важный педагогический урок Алексея Петровича, урок доверия и повышения ответственности «спецов» [так себя называли учащиеся. — *Н. К.*] за то дело, которое они выбрали для себя. Уж если такой Герой видит в нас будущих офицеров, рассуждали мы, значит детство и отрочество остались позади, и все, чем мы занимаемся, уже всерьез, по-взрослому высоко и значимо».

В новую работу Маресьев втянулся быстро, поскольку дело было ему хорошо знакомое. Во-первых, за плечами опыт педагогической работы с курсантами Батайской авиашколы, где служил летчиком-инструктором. Во-вторых, он хорошо знал типы самолетов, начиная от простого «кукурузника» и кончая Ла-5, на котором летал в последнее время. В-третьих, недавняя служба в Управлении военно-учебных заведений в качестве инспектора-летчика прибавила ему знаний, умения в управленческой деятельности.

Должность начальника авиационной подготовки школы, которую занял Маресьев, в большей степени являлась административной. По сути, он отвечал за организацию учебного процесса на своем направлении работы. А это — руководство преподавательским составом, контроль за проведением занятий, планирование различных мероприятий. Иными словами, забот хватало.

Одновременно Маресьев и сам преподавал. «Спецы» всегда с нетерпением ждали его уроков. Еще бы! Герой-летчик — их учитель. Занятия Алексей Петрович проводил интересно, доступным и понятным языком. Излагаемый материал о развитии авиационной техники и

моторостроения, о первых авиаторах он обязательно сопровождал примерами из фронтовой практики. «Работая в школе, т. Маресьев А. П. умело передает свой боевой опыт и летное мастерство учащимся школы, проводит большую работу по изучению летного дела», — отмечалось в его служебной характеристике. И далее: «Наряду с производственной работой т. Маресьев А. П. принимает активное участие в общественно-политической жизни школы, постоянно выступает не только перед учащимися школы, но и на собраниях трудящихся с воспоминаниями о боевых действиях советских летчиков на фронтах Великой Отечественной войны».

Весной 1949 года Маресьев впервые оказался за границей — во Франции, куда его направили по линии ЦК ВЛКСМ в составе советской делегации на 1 Всемирный конгресс сторонников мира. В состав делегации его включили с подачи И. В. Сталина, который спросил у кого-то из своего окружения: «А где этот безногий летчик?» После этого вопроса вождя все сразу закрутилось. Маресьева делегировали в Париж.

Всемирный конгресс сторонников мира, проходивший с 20 по 25 апреля одновременно в Париже и Праге, собрал 2065 делегатов из 72 стран. Ученые, представители творческой интеллигенции, священники, рабочие и простые домохозяйки, принимавшие участие в работе конгресса, были объединены одной целью — предотвратить новую войну. Не случайно эмблемой конгресса, которую нарисовал знаменитый Пабло Пикассо, стал белый голубь, несущий в клюве оливковую ветвь.

Советскую делегацию представляли известные в стране люди: писатели Александр Фадеев, Константин Симонов, Илья Эренбург, поэт Николай Тихонов, сталевар Василий Амосов, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, Любовь Космодемьянская — мать двух Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских, академик Александр Несмеянов, заместитель председателя Антифашистского комитета советских женщин Зинаида Гагарина и др. Со всеми членами делегации у Маресьева сразу сложились добрые отношения.

Форум открыл один из основателей движения борьбы за мир, лауреат Нобелевской премии французский физик Фредерик Жолио-Кюри. Обращаясь к делегатам, он заявил: «Хотя мы прекрасно сознаем трудность стоящей перед нами задачи, ибо люди, к сожалению, уже не впервые собираются для того, чтобы избежать войны, мы все же вступаем в битву с уверенностью в победе, потому что мы сильны и сумеем найти действенные методы борьбы и применить их на деле. Мы не ограничимся простым порицанием злоумышленников, порицанием, которое ставит их почти на одну доску с их жертвами. Мы собрались здесь не для того, чтобы просить

мира у сторонников войны, а для того, чтобы навязать им мир».

В парижском зале Плейель, где проходил столь представительный конгресс, Маресьеву посчастливилось видеть и слушать выступления американского певца и политического деятеля Поля Робсона, испанского художника Пабло Пикассо, чилийского поэта Пабло Неруду, французского писателя Луи Арагона... В свою очередь им тоже довелось увидеть и услышать бесстрашного русского летчика из далекой и холодной России.

Маресьев твердым, уверенным шагом вышел к трибуне. Тысячи глаз устремили взоры на черноволосого молодого человека в военной форме и со звездой на груди. Через считанные секунды громко зазвучал его упругий голос:

— Советская молодежь уполномочила меня выступить на этом конгрессе... Разрешите от имени молодых людей моей великой страны передать самый искренний, самый дружеский привет вам, передовым представителям всех народов, собравшимся для того, чтобы открыто и решительно выступить в защиту мира, поднять свой гневный голос против поджигателей войны.

Он говорил каких-то 5—7 минут, но в его емкой речи прозвучали слова о непокоренных жителях блокадного Ленинграда, героических защитниках Сталинграда, самоотверженных тружениках Урала... Как человек, немало повоювавший и, следовательно, умеющий ценить блага мирной жизни, Маресьев заявил, что призывы к новой войне не найдут поддержки у молодых людей, особенно у ветеранов Второй мировой войны. Закончил он словами:

— С этой почетной трибуны от имени миллионов юношей и девушек великой Советской страны я заявляю, что мы всегда были и будем твердо стоять на страже мира. В лице советской молодежи молодое поколение всех стран имеет верного товарища и друга в общей борьбе за мир и лучшее будущее.

Вот что писал о выступлении Маресьева на конгрессе председатель Советского комитета защиты мира Ю.А. Жуков, в то время собственный корреспондент газеты «Правда» во Франции: «Волнующим событием на конгрессе явилось выступление представителя советской молодежи, прославленного летчика, Героя Советского Союза А.П. Маресьева. Все делегаты поднялись со своих мест, чтобы приветствовать этого мужественного человека, который, лишившись обеих ног на войне, добился возвращения в строй. Статный, красивый советский пилот так легко поднялся на сцену, что никто не подумал бы, что у него вместо ног протезы, если бы председательствующий не сообщил об этом делегатам. И тогда в зале с новой силой вспыхнули аплодисменты. Страстную речь Маресьева, призывающего молодежь всего мира подняться на борьбу с

поджигателями войны, зал выслушал с огромным вниманием».

Незабываемые эпизоды форума сохранились и в памяти Л. Т. Космодемьянской. В своей книге «Повесть о Зое и Шуре» она написала: «Апрель 1949 года. Огромный зал Плейель в Париже. Конгресс защитников мира. Флаги всех наций украшают трибуну, и за каждым флагом — народы и страны, человеческие надежды и человеческие судьбы...

На трибуну конгресса поднимается наш делегат — Герой Советского Союза Алексей Маресьев. Его встречают бурей аплодисментов. Для всех присутствующих Алексей Маресьев олицетворяет русский народ, его мужество и стойкость, его беззаветную отвагу и выдержку.

— Каждый человек должен спросить себя: «Что я делаю сегодня в защиту мира?» — несутся в зал слова Алексея Маресьева. — Нет сейчас более почетной, более высокой цели, чем бороться за мир. Это обязанность каждого человека...»

В Париже Маресьеву пришлось держать слово и перед десятками тысяч французских сторонников мира, которые собрались в огромном зале стадиона «Велодром». После выступления восторженная толпа, уже знавшая историю безногого русского летчика, читавшая о нем, подхватила Маресьева на руки и, так как в это время бастовали таксисты, пронесла по парижским улицам до самой гостиницы.

Вообще, интерес к членам делегации страны, разгромившей фашизм и принесшей мир народам Европы, был огромен как со стороны самих делегатов, так и со стороны простых французов. Они подходили к советским делегатам, крепко жали им руки, хлопали по плечу, искренне выражали свои чувства: «Мы верим в вас. Мы никогда не забудем того, что вы сделали для разгрома нацизма...» Впоследствии Маресьев вспоминал: «В 1949 году я в составе делегации участвовал в работе I Всемирной конференции сторонников мира в Париже. С нами была и Любовь Тимофеевна — мать Зои Космодемьянской. Помню, однажды подходят и говорят: к вам пришли французские дети. Мы вышли из зала и направились в вестибюль. Встретились с гостями, поговорили. Оказалось, что эти ребята, не имея средств на то, чтобы купить билет, пешком пришли в Париж за 20 километров для того, чтобы встретиться с представителями советской делегации».

Через год, в ноябре 1950 года, Маресьев принял участие во II Всемирном конгрессе сторонников мира. На этот раз форум проходил в Варшаве. Несмотря на то что правящие круги Запада (уже был создан военно-политический блок НАТО) пытались сорвать проведение конгресса, в столицу Польши приехали делегаты из 80 стран. Всех их объединила одна цель — не допустить войны. Участники конгресса обратились с призывом к парламентам всех стран принять

законы об охране мира. Первым государством, где был разработан такой закон, стал Советский Союз. В стране, в которой едва ли не каждая семья в годы Великой Отечественной войны потеряла кого-то из родных и близких, не понаслышке знали, что такое война. Уже в марте следующего года Закон СССР о защите мира принял Верховный совет СССР. Внес свою лепту в его принятие и Маресьев. В этом документе пропаганда войны, через которую он прошел, объявлялась тягчайшим преступлением против человечества и была установлена уголовная ответственность лиц, виновных в пропаганде войны, в какой бы форме она ни велась.

В том же 1950 году Маресьев стал почетным гостем 1-го Всегерманского слета демократической молодежи. Форум проходил в Берлине, в нем участвовали делегаты как Союза немецкой молодежи (ГО.1) ГДР, так и аналогичной организации ФРГ. Война еще не остыла в душах делегатов, почти все ее видели своими глазами. А многие не только видели, но и воевали на ней. Боль сохранялась и в сердцах русских, и в сердцах немцев.

И все же атмосфера, царившая на слете, была теплой и дружеской. Политическая и идеологическая цель этого форума состояла в том, чтобы влиять на все стороны жизни молодых людей, бороться против возрождения фашизма, отстаивать мир на планете. Маресьев участвовал в дискуссиях, встречался с делегатами. Но в центре внимания он оказался во время торжественного приема, устроенного в честь делегатов президентом ГДР Вильгельмом Пиком. После приема начались танцы. Маресьев тут же пригласил на вальс не кого-нибудь, а председателя пионерской организации имени Эрнста Тельмана Маргот Файст. Симпатичная Маргот с благодарной улыбкой приняла предложение русского летчика, пружинистой походкой подошедшего к ней. И они закружились в вихре вальса. Весь зал дружно им аплодировал. К слову сказать, девушка, с которой танцевал Маресьев, вскоре станет женой председателя FDJ Эриха Хонеккера (впоследствии генерального секретаря ЦК СЕПГ).

В дальнейшем общественная деятельность станет для Маресьева частью его основной работы. Однако все это будет впереди. Пока же он продолжал трудиться в спецшколе.

«Появление в качестве наставника Алексея Петровича Маресьева поставило воспитательный процесс в школе на новый уровень, способствовало подъему ее авторитета и значения, — пишет в своих воспоминаниях бывший учащийся 3-го взвода 8-го набора заслуженный строитель РСФСР, почетный строитель космодромов Плесецк и Байконур, кандидат технических наук Г. М. Питалев. — Во всяком случае, мы с замиранием сердца слушали материал в его изложении, примеры из жизни и боевых действий, добросовестно готовились к зачетам, все, что было положено

по программе и более того, знали только на отлично. Маресьеву было что рассказать молодежи об авиации, о различных типах самолетов, о которых он знал не понаслышке, о взлетах и падениях, причем без прикрас. Но это не отпугивало, а наоборот, завораживало и притягивало. Было впечатление, как будто он только преподаванием всю жизнь и занимался. В спецшколе был подобран очень опытный и изумительный по составу преподавательский и педагогический коллектив. Алексей Петрович в него вписался органично. Он герой не просто по званию, а по примеру своей жизни».

Огромная популярность давала ему возможность решать многие вопросы. Но правда и то, что Маресьев для себя лично никогда ничего не выгадывал и не выпрашивал. Скромность и совесть у него были в крови. Другое дело — похлопотать за других, не боясь при этом открыть дверь кабинета самого высокого начальства. Это было по-маресьевски. В частности, Маресьев «выбил» для родной спецшколы самолет По-2. До этого будущие летчики изучали крылатую машину по учебникам и наглядным пособиям, а также по имеющимся в школе отдельным частям самолета. Получить По-2 Маресьеву помог генерал-майор авиации Василий Сталин, назначенный в 1948 году командующим ВВС Московского военного округа. Еще с фронта у Маресьева с ним сложились очень хорошие отношения. Василий очень уважительно относился к Маресьеву, брал его с собой в поездки в войска. Аналогичное отношение было и у Маресьева к нему.

По словам Виктора Алексеевича, сына Маресьева, они даже называли друг друга на «ты». А еще Маресьеву-младшему запомнился такой случай. «Как-то Василий подарил моему отцу пару бутылок домашнего грузинского вина, — вспоминал он. — За обедом отец налил мне половину фужера и сказал: “Попробуй вино от Сталина”».

Вообще, Василия Сталина летчики любили. «Несмотря на то, что он был сыном самого вождя, он честно воевал в Отечественную войну, прошел и Сталинград и дошел до Берлина, а для любого фронтовика это значит многое, — писал Герой Советского Союза генерал-майор авиации С. М. Крамаренко. — Он добился того, что в Московском военном округе для всех летчиков были построены благоустроенные домики, переселил их из казарм и общежитий».

Еще Василий часто назначал или рекомендовал на штабные должности летчиков-инвалидов. Маресьев — не исключение. Не все одобряли такую кадровую политику командующего. Он же на это не обращал внимания, считал, что боевой летчик штабную работу освоит, а вот не понимающий сути летной работы штабник может дров наломать.

Прибавим еще несколько штрихов к портрету Василия

Сталина из воспоминаний генерал-майора авиации А.Ф. Сергеева: «Воевал он смело: в бой бросался, завидев противника, буквально накидывался на него, совсем не думая об опасности. У него было тяжелейшее ранение в ногу, вырвавшее его надолго из боевого строя. Летал он на всем, что летало. В его послужном списке записано, какие типы самолетов он освоил. Кажется, он все освоил. Попадал в трудные ситуации: то в самолет молнией ударило, самолет стал неуправляем, но он посадил его все-таки. Сумел он посадить машину с летчиками в Куйбышеве на аэродром, когда за самолетами летали, а другие не смогли. То есть он не только сам выходил из сложнейших ситуаций, но и других спасал. И никогда потом не сетовал, не бахвалился. Всегда говорил: “Война есть война, самолет есть самолет, летчик есть летчик. Здесь уж кто кого”».

Как-то в одной из поездок в авиационный полк, на вооружении которого стояли реактивные истребители Як-15, Маресьев обратился с просьбой к Василию Сталину разрешить и ему полетать на этой машине. Сталин сначала был категорически против любых полетов Маресьева, а потом все-таки дал согласие. Однако, заняв место в кабине истребителя, Маресьев осознал, что не сможет управлять этой современной машиной.

Была у него мечта подняться в небо и на «Аэрокобре» — американском истребителе, отличавшемся необычной для того времени компоновкой (двигатель у этой крылатой машины располагался сзади кабины летчика и был связан с воздушным винтом длинным валом). В годы войны на «Аэрокобре» летал прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, одержавший на ней 48 из своих 59 побед над врагом. Но свое желание Маресьев тоже не осуществил, так как конструкция этого истребителя имела ножной тормоз, а с протезами это был слишком большой риск.

— Зачем тебе это надо? — отговаривал его все тот же Василий Сталин. — Машина с крутым норовом, требует частых и мягких движений ступнями, а чуть что — валится в плоский штопор. Разобьешься — что я твоей жене скажу?

Действительно, привычнее все же было летать на По-2 — такое название по имени своего конструктора Н. Н. Поликарпова теперь имел У-2. Что Маресьев и сделал, совершив в качестве летчика-инструктора несколько полетов. На этом его небесная эпопея окончательно закончилась. В дальнейшем Алексей Петрович старался все свои поездки совершать на поезде. Почему? Ответ простой: летчику тяжело сидеть в пассажирском кресле без малейшей возможности взять ручку управления на себя.

Во время работы в спецколле ВВС Маресьев серьезно решил заняться повышением уровня своего образования. А оно у него на тот момент было известно какое: шестилетка,

ФЗО, неоконченный рабфак, авиашкола. «Я ведь академиев не проходил. Я их не закончил», — с улыбкой говорил он словами героя Гражданской войны комдива Чапаева из одноименного художественного фильма. Маресьев понимал: чтобы чего-то добиться в жизни, в том числе на преподавательском поприще, нужно было учиться дальше. Тем более что возраст позволял, да и желание имелось. В 1949 году он решил поступить в Высшую партийную школу (ВПШ) при ЦК(б).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится заявление, которое Маресьев написал на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. Познакомим читателя с его содержанием:

Секретарю ЦК ВКП (б) товарищу Маленкову Г. М.

Заявление

Дорогой товарищ Маленков! Я чувствую большую необходимость в повышении своего идейно-теоретического и общеобразовательного уровня.

Для того чтобы больше принести пользы нашей Родине, мне надо учиться.

Прошу Вас оказать мне помощь в поступлении в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

Если будет оказано мне это доверие, я приложу все усилия, чтобы овладеть марксистско-ленинской наукой.

А. Маресьев, Герой Советского Союза
13. У/1949 г.

Уже на следующий день Маленков поставил на заявлении следующую резолюцию: «т. Дедову*. Выясните это дело. Примите т. Маресьева». Уже 1 июля 1949 года Маресьев стал слушателем 1-го курса ВПШ при ЦК ВКП(б) — приказом о зачислении подписал ее директор Н.Р. Митронов.

Существует версия, что после окончания войны Маресьеву предложили на выбор учебу в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (ВВА) или в ВПШ.

* *Афанасий Лукьянович Дедов* (1913—1961) — в 1948—1949 годах заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Маресьев от академии якобы отказался, мотивировав свой отказ тем, что «в мирное время безногие генералы армии не нужны, а начнется война, так он и без чинов и званий вновь пойдет бить врага». Но, скорее, это не более чем легенда, поскольку Маресьев, даже при всех его заслугах, не мог рассчитывать на обучение в академии. Туда принимались исключительно высшие и старшие офицеры, имеющие высшую военную оперативно-тактическую подготовку, то есть уже окончившие одну из «профильных» военных академий. Кроме того, кандидаты должны были иметь опыт

командной или штабной работы крупного масштаба. Тогда как Маресьев на тот момент был в звании капитана, имел среднее образование, а его командный опыт и занимаемые им прежде должности не соответствовали требованиям, предъявляемым к кандидатам главного военно-учебного заведения Вооруженных сил СССР. К тому же при поступлении в ВВА, как и в другие вузы подобного рода, учитывались уровень физической подготовленности офицера, состояние его здоровья. Маресьев же был инвалид, и это тоже служило препятствием для его поступления в учебное заведение военного профиля.

Что касается ВПШ, то здесь таких жестких требований к кандидатам не предъявлялось. Нужно было состоять в рядах ВКП(б), иметь партстаж не менее трех лет и активно участвовать в партийной жизни, скажем, быть членом или секретарем партбюро. Всем этим требованиям Маресьев соответствовал в полной мере. Не стало дело и за рекомендацией-направлением от партийного органа, то есть от Ленинградского райкома партии города Москвы. Маресьев успешно прошел собеседование и был зачислен в ВПШ.

Школа располагалась в доме 6 на Миусской площади столицы, являлось кузницей кадров руководящих партийных и советских работников, а также руководителей средств массовой информации. Лекции, доклады слушателям читали не только штатные преподаватели, но и работники аппарата ЦК. По окончании выпускникам выдавали дипломы о получении ими высшего общего и партийно-политического образования.

На первых порах гранит науки Маресьеву, вчерашнему технарю, давался трудно. По сути, все надо было начинать с нуля. И вновь во всей полноте проявился маресьевский характер. С тем же упорством, с которым он в апреле 1942 года, обезножив, полз по заснеженному лесу, и с тем же неистовым напряжением, с каким он мучил и преодолевал себя, тренируясь для возвращения в небо, Маресьев штудировал дисциплины, ранее толком малознакомые. История ВКП(б), всеобщая история, Новая история, история международных отношений и внешней политики СССР, партийное строительство, политэкономия, логика — вот далеко не полный перечень предметов, которые ему пришлось изучать.

Случалось — и не раз, когда он просиживал ночами за учебниками и конспектами, готовясь к экзаменам и семинарам. Такой напряженный режим учебы Маресьева, безусловно, вызывал недовольство и раздражение жены. На этой почве нередко происходили размолвки. Однако старания Маресьева оказались не напрасны: в июле 1952 года он успешно окончил ВПШ.

В справке, выданной Маресьеву 15 июля 1952 года в ВПШ, говорится, что «тов. Маресьев за время пребывания в ВПШ выполнил учебный план со следующими оценками:

История ВКП(б) (дооктябрьский период) — отлично
 История ВКП(б) (послеоктябрьский период) — отлично
 История СССР (до середины XIX в.) — отлично
 История СССР (XIX—XX вв.) — отлично
 Всеобщая история (Древние и Средние века) — зачет
 Всеобщая история (Новая история) — отлично
 Всеобщая история (Новейшая история) — хорошо
 Политическая экономия (капитализм) — хорошо
 Политическая экономия (социализм) — хорошо
 Диалектический материализм — хорошо
 Исторический материализм — хорошо
 Логика — отлично
 Международные отношения и
 внешняя политика — отлично
 Русский язык — хорошо
 Литература — отлично
 Основы советской экономики — отлично
 Партийное строительство — отлично
 Основы государственного права и советское
 строительство — хорошо

Экономическая и политическая география — хорошо». Также Маресьев сделал ряд научных докладов, в том числе «XVII съезд партии — съезд победителей», «Всеобщая связь и развитие в природе и обществе», «Основные черты социалистической системы народного хозяйства по сравнению с капиталистической».

Примечательно, что во время учебы Маресьева в ВПШ его любимым предметом — и это видно по оценкам — стала 190 история. «Сам от себя такого не ожидал», — признавался он. Увлечение событиями прошлого привело его в аспирантуру Академии общественных наук (АОН) при ЦК ВКП(б), куда он, как один из лучших слушателей, был рекомендован руководством ВПШ для продолжения учебы и научной работы.

Из архивных документов известно, что Маресьев был зачислен в аспирантуру АОН 1 сентября 1952 года. Имеется также заключение заместителя руководителя кафедры истории ВКП(б) доцента И. Г. Рябцева, который после собеседования с поступающим в аспирантуру А.П. Маресьевым сделал следующие выводы:

«Проведенная беседа на кафедре с тов. Маресьевым А. П. по истории ВКП(б) показала, что он свободно ориентируется в основных вопросах теории и истории большевизма. Ему были поставлены вопросы по работам В. И. Ленина “Что делать?” и “Детская болезнь ‘левизны’ в коммунизме”, а также по трудам И. В. Сталина “Коротко о партийных разногласиях”, “Об основах ленинизма” и “Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии”. По названным

работам обнаружил глубокие знания. Дал вполне удовлетворительные ответы о II съезде РСДРП и о XVIII съезде ВКП(б). Правильно охарактеризовал работу партии большевиков на идеологическом фронте в послевоенный период. Дал глубокий анализ сталинского учения о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны.

По своей теоретической подготовке тов. Маресьев вполне отвечает требованиям, предъявляемым к поступающим в академию по кафедре истории ВКП(б)».

Учеба в аспирантуре вновь потребовала от Маресьева напряженной работы, теперь уже над кандидатской диссертацией. Тему он взял близкую роду своей прежней службы — роль партийно-политических органов ВВС в Великой Отечественной войне. И хотя Маресьев был, как говорится, в материале, потрудиться пришлось немало.

Во время написания диссертации он успешно сдал кандидатские испытания, получив три отличные оценки по истории ВКП(б) (дооктябрьский период), истории ВКП(б) (послеоктябрьский период) и истории СССР. Четыре балла ему поставили за сдачу диалектического и исторического материализма. И только за английский язык Маресьев получил посредственную оценку, то есть тройку. Примечательно, что экзаменовали его далеко не рядовые преподаватели. К примеру, историю СССР принимали профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии, а впоследствии академик АН СССР М. В. Нечкина, кандидат исторических наук З. А. Астапович, доценты Л.С. Гапоненко и С. А. Юдачев.

Однако в срок, а диссертацию нужно было защитить до 15 июля 1955 года, наш герой не уложился. По словам самого Маресьева, из учебной колеи его часто «выбивали» командировки, в которые он выезжал для участия в международных конгрессах и совещаниях сторонников мира. В связи с этим Маресьев был вынужден обратиться в ректорате просьбой продлить срок пребывания в аспирантуре. Ректор академии пошел ему навстречу, предварительно согласовав этот вопрос с ЦК. Маресьев продолжил учебу, ему выделили время для окончательной доработки и защиты диссертации. Итогом стала глубокая по содержанию научная работа.

В ней Маресьев обстоятельно, на конкретных примерах рассказал о формах и методах партийно-политической работы в войсках, о том, какую важную роль она сыграла в достижении победы над врагом. По заключению автора, эта работа среди авиаторов — участников Курской битвы отличалась высоким идейным содержанием и большим разнообразием применяемых форм и методов. Главный упор командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации делали на то, чтобы воспитывать у личного состава горячую любовь к Родине и ненависть к ее врагам,

обеспечивать высокий наступательный порыв, авангардную роль коммунистов и комсомольцев, смелые и решительные действия в бою.

Защита диссертации состоялась в 1956 году и прошла успешно. В том же году Алексею Петровичу была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Вот выписка из протокола № 6 заседания Ученого совета АОН при ЦК КПСС от 18 июня 1956 года:

«Слушали: Решение Ученого совета кафедры истории КПСС о присуждении ученой степени кандидата исторических наук тов. Маресьеву Алексею Петровичу, защитившему диссертацию на тему: “Агитационно-пропагандистская работа политорганов и партийных организаций в Военно-воздушных силах СССР в годы Великой Отечественной войны” на заседании Ученого совета кафедры истории от 12 июня 1956 года.

Постановили: Утвердить решение Ученого совета кафедры истории КПСС о присуждении ученой степени кандидата исторических наук тов. Маресьеву Алексею Петровичу.

Председатель Ученого совета И. Дорошев
Ученый секретарь совета А. Шарков».

Через несколько лет на основе диссертации Маресьев подготовил монографию «На Курской дуге», которая вышла в 1960 году в Военном издательстве Министерства обороны СССР. «Будучи рядовым летчиком, а затем командиром, я непрерывно ощущал благотворное влияние вовремя сказанного правдивого большевистского слова, хорошо подготовленного и умело проведенного собрания, митинга, душевной беседы, чуткости и отеческой заботы, не раз убеждался в том, как много они значат для поднятия морального духа воинов, преодоления трудностей войны, укрепления дисциплины, совершения подвига», — написал Маресьев в предисловии к своей работе.

По сути, эта книга стала методическим пособием, которое активно использовали в своей практике офицеры-политработники ВВС разных поколений. Ведь в ней автор буквально по полочкам разложил, как нужно строить партийно-политическую работу с летным и инженерно-техническим составом в боевой обстановке. Брели маресьевскую «методичку» на вооружение даже замполиты авиационных полков и отдельных эскадрилий, находившихся в 80-е годы прошлого века в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Автор этих строк не случайно столь подробно описал этап жизни Маресьева, связанный с его учебой и защитой кандидатской диссертации. Дело в том, что в так называемые «перестроечные годы», да и в последующие было модным очернять все, что было близко и дорого советским людям. И ничего если это было бездоказательно — главное, чтобы вылить побольше ушатов

грязи. В погоне за сенсацией некоторые средства массовой информации искали компромат едва ли не на каждого известного героя, и если его не находили, то сами его придумывали. По утверждению автора одного из изданий, Маресьев «не только не защитил диссертацию, но даже ее не написал». Однако обнародованные выше документы, с которыми ознакомился читатель, красноречиво свидетельствуют об обратном. Что же касается лжи, вылитой на Маресьева, то пусть это останется на совести подлого борзописца. Иного прозвища он не заслуживает.

В год защиты кандидатской диссертации в жизни Маресьева произошло еще одно знаковое событие. На 1-й Всесоюзной конференции ветеранов войны он был избран ответственным секретарем Советского комитета ветеранов войны.

Эта общественная организация была создана по велению времени. Дело в том, что в других государствах — участниках Антигитлеровской коалиции подобные ветеранские организации уже имелись. От них стали поступать просьбы об установлении постоянных контактов с советскими фронтовиками. А с кем устанавливать, если такой организации нет. Тогдашний министр обороны СССР маршал Советского Союза Г. К. Жуков обратился в ЦК КПСС с предложением создать и в СССР организацию ветеранов войны. В Политбюро ЦК партии, большинство членов которого являлись участниками войны, идея Жукова была единогласно поддержана.

Учредительная конференция новой организации состоялась в Москве 29 сентября 1956 года. В ней приняли участие около 800 делегатов из разных уголков Советского Союза. Это были в основном фронтовики, партизаны, подпольщики, военные журналисты и писатели. На кителях и лацканах пиджаков многих сверкали «Золотые Звезды» Героев, почти у всех — боевые ордена. Вот лишь некоторые имена: ас трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб, танкист дважды Герой Советского Союза С. Ф. Шутлов, партизанский командир Герой Советского Союза С. А. Ковпак, летчица Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, партизанка Герой Советского Союза Н. В. Троян...

На конференции было зачитано несколько докладов. С основным — «О задачах советских ветеранов в деле укрепления мира, дружбы и сотрудничества между народами» — выступил известный общественный деятель того времени председатель Славянского антифашистского комитета Александр Семенович Гундоров. Ветеранские организации, созданные в ряде стран, подчеркнул он, уже ведут борьбу с агрессивной политикой. Однако обуздать их можно только совместными усилиями, действуя единым фронтом. Вот почему в Советском Союзе необходима ветеранская организация, которая должна стать

антивоенной силой не только у нас в стране, но и на международной арене.

На конференции был принят устав новой общественной организации, определяющий ее задачи и структуру исполнительных органов. В состав Советского комитета ветеранов

войны (СК.ВВ) делегаты избрали 75 человек и 15 человек в его рабочий орган — президиум. В соответствии с уставом в республиках, краях и областях формировались секции.

Первым председателем СКВВ делегаты единогласно избрали выдающегося полководца, дважды Героя Советского Союза маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского, а ответственным секретарем — Маресьева. Сам Алексей Петрович по этому поводу однажды сказал так: «В сентябре 1956 года состоялась первая учредительная конференция ветеранов войны. Маршал Василевский сделал доклад, я — доклад по уставу».

Вся дальнейшая жизненная судьба Маресьева будет связана с этой организацией, ветеранским движением, участием в решении государственных задач, борьбой за мир, заботой о ветеранах, их социальных правах, о воспитании молодого поколения...